

**ЛЕОНИД
ЛЕВИНЗОН**

КОЛИЧЕСТВО
СТУПЕНЕК
НЕ ИМЕЕТ
ЗНАЧЕНИЯ

Леонид Левинзон

**Количество ступенек
не имеет значения**

«Геликон Плюс»

2018

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Левинзон Л.

Количество ступенек не имеет значения / Л. Левинзон —
«Геликон Плюс», 2018

ISBN 978-5-00098-149-8

«Количество ступенек не имеет значения» — книга рассказов известного израильского писателя Леонида Левинзона, лауреата «Русской премии». «Мой Будда» и «Под горой Тавор», «Прощай Индия» и «Опять отказали тормоза», «Сволочь» и «Ясный сокол»... Ровно пятьдесят ярких, точных и откровенных рассказов, объединённых одним героем.

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-149-8

© Левинзон Л., 2018
© Геликон Плюс, 2018

Содержание

К читателю	5
Мой Будда	6
Подняться над землёй	16
Дебют	24
Белая пряная Польша	32
Ошибка	35
Отчего. Так. Тает. Сердце	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леонид Левинзон

Количество ступенек не имеет значения

К читателю

Я собрал эту книгу, соединив множество рассказов одним героем, то относительно спокойным, то теряющим голову от захватывающих его чувств. Любовь, ирония, тоска, злость и ещё нечто, чему не мог найти названия. Разные рассказы – разные состояния души. Соединенные вместе, они перерастают в подобие романа-исповеди.

Я надеюсь, моя исповедь найдёт отклик, но возможно и нет. В любом случае, удачи вам и мне.

Автор

Мой Будда

Я уезжал, а на следующий день начинался фестиваль. Только вчера тайская девочка с её тугим сильным телом делала мне, ошарашенному красной полумглой, скользкий мыльный массаж, и я осторожно дотрагивался подушечками пальцев до её лица-маски мадонны с узкими глазами, как бы оставляя свой рисунок-паутину на гладкой коже её не резко очерченных скул или чуть припухших потрескавшихся губ. Она улыбалась, не меняя выражения занавешенных глаз, потом поднялась, и надо было смывать с тела мыло, но тут мне стало неожиданно очень холодно от презрительного взгляда сквозь решётки могучего стражника этой комнаты – кондиционера, нагнетавшего всей силой фреоновых лёгких ледяное дыхание. Видимо, ей тоже не понравилось в его поведении, и, плавно переступая маленькими ногами, приблизившись, как истинная повелительница, она, легко нажав, равнодушно отключила и его взгляд, и его лёгкие. Повернулась ко мне сосками торчащих в стороны полных грудей, и я обрёл уверенность в наплывающем вытягивающем чувстве. Потом она терпела моё тело, удивлённо вздыхая и показывая уже не сонными глазами, что не ожидала таких атак, а когда всё кончилось, села, скрестив ноги, и негромко рассмеялась. Включила настоящий свет, осветивший стенные углы и край ванны, видный с моего места, и надо было одеваться, закрывать враз ослабевшее существо нижним бельём, рубашкой, брюками, носками, сандалиями, часы на руку, чтоб зачем-то знать очень точно время, разбить эти стрелки. Мадонна в наброшенном халатике повернула ручку, открыла дверь, и мы пошли по коридору, устланному ковровым покрытием к лифту, а в лифте она, неожиданно потянувшись, чмокнула меня в губы, просто прося немножко денег, ну, может, купить контурный карандаш подвести свои занавешенные глаза, или лучше алый лак для ногтей на руках и ножках, или... Но я не дал ей денег. Она, ещё надеясь, робко обиженно взглянула, но вдруг дёрнулась и, разом занавесив обратно глаза, с лицом-маской шагнула в сторону. Нет, я действительно не знаю, почему я не дал деньги. Счастья по крайней мере такое их количество мне не принесёт, а ей было бы спокойно, что всё на свете правильно и после хорошей работы следует достойное вознаграждение. Но жизнь, мне представляется, всё-таки штука сложная и неправильная, хотя я в ней ещё до конца не разобрался.

Я уезжал. Я стоял с чемоданами в холле гостиницы, собираясь вернуться в прерванную на две недели реальность сухих точечных дней, в которой, заняв у банка сто тысяч долларов, купил маленькую квартиру с проржавевшей канализацией и где мои одинокие отношения с окружающим миром вроде бы утряслись. Смешно: вроде бы утряслись.

Отправляясь в отпуск, я не хотел ни с кем видаться. Узбекская авиакомпания на одном из свежкупленных «Боингов» перенесла меня с группой соотечественников сначала в город Ташкент, но в город нас не выпустили, и шесть часов пришлось сидеть в транзитном зале, где, напоминая о былом, на мраморных лестницах лежали величественные ковры, но в туалете из сломанных кранов безостановочно текла вода и, дополняя картину, холодный мартовский ветер дул из полуоткрытых зарешеченных форточек. Нас пригласили поесть в помещение под громким названием «ресторан», дали на бесцветных тарелочках еле тёплые макароны с варёной котлетой худших брежневских времён и распределили на четыре человека две бутылки кока-колы без стаканов, так что один из израильтян с кудрявой головой и весёлым носом, одетый в широкие шорты и тесную жёлтую майку с надписью «Офаким», имел все основания заявить, что окружающий мир прост и примитивен. Бангкок же встретил мощным ударом насыщенной влажностью духоты, и водитель такси с глубоко запавшими глазами повёз меня в отель «Азия», где окна моего номера, когда я раздвинул плотные шторы, выходили прямо на поднятые над восьмимиллионным городом пролетающие один за другим поезда метро. Но тут стоп: я не буду рассказывать о крылатом, устремившемся в небо Бангкоке, крепко держащем в зубастой пасти вечно пылающий факел для освещения своих будд. Нет его горделивым

небоскрёбам, изматывающим дорогам, зелёной речной воде, куда по колени шагнули сваями дощатые дома жителей, плавучим рынкам, чайна-тауну, со спрятанным в глубине на удивление прохладным храмом, воздух которого одет в красное. Опять красное. Два старых китайца населяли этот храм, храня тишину в складках морщин и, смущённо попятившись, я увёл себя назад.

Я бежал из Бангкока на третий день. В Эраванском святилище золотой Брахма спокойно принял купленные дурмящие цветы, я, как бы уже имея право, сложил руки ладонями вместе, поднял их выше себя, встал на колени и неожиданно задохнулся. Ручеёк пота сбегал за ухом, солнце взорвалось, руки разошлись, и влажный воздух недоумённо прошёл между пальцами. Странное чувство: к красному цвету примешивалось жёлтое. Я неловко поднялся, звучала негромкая музыка. Чего-то мне не хватало. Монах с тележкой собирал и собрал чадающие палочки, я не находил себе места, девушки в национальных костюмах начали танцевать, я согнулся в приступе какого-то странного пароксизма, пожилой таец положил бешеной яркости овальные плоды, тут неожиданно блеснуло, я, освободившись, рванулся, чуть не упав, к выходу, крикнул такси, забился в нём на заднее сиденье, и последнее, что видел: текущий с золотыми пылинками воздух за окном. Через два часа я уже ехал в Паттайю на рейсовом автобусе с тщательно задёрнутыми от солнца занавесками.

Ленивая, вялая Паттайя. Ты опять спишь или нежишься у моря, чтобы, как всегда, встретиться ночью, а я, вернувшись, украшаю себя витиеватыми воспоминаниями, будто слащавыми виньетками на старой фотографии.

На знаменитом шоу в предательском белом тоненький, чуть ли не в ладонь талия, накачанный гормонами трансвестит под восторженный визг китайцев ломал медленную музыку их эпоса иноходью диско. В неожиданном переключении восторженно забились летающие руки, и его утончённая фигура с бледным, бумажно напудренным лицом сладострастно ввинтилась в победный негритянский ритм. Прощай, Радищев. Твои записки – сор на дороге. Твоё чудище кусает свой хвост. Хватит, лучше заплати деньги, купи билет и смотри, как играет, танцует и искусно держит застывшую улыбку на необходимом месте эта сосущая непонятная тварь во всём белом.

После шоу я, как оглушённый, шёл под громадой чужого неба мимо открытых баров с их мигающими разноцветными лампочками и гремющей музыкой.

– Стой!

Я остановился как вкопанный: девушка с подсинёнными искрящимися глазами и чувственным ртом, чуть подалась вперёд, ко мне, на сложенные по-школьному на стойку бара смуглые руки.

– Ты куда идёшь, парень?

– Ну, – признался, – просто иду. Прямо.

Смех.

– Может, хочешь пить?

Я пожал плечами:

– Да, наверное.

Сел на высокий стульчик.

– Кола?

– Здорово.

И сам предложил:

– А тебе?

– Если платишь, – прищурилась.

– Плачу.

– Спасибо. Ты откуда?

– Израиль.

Тень недоумения в глазах.

– Маленькая страна, – объяснил, – совсем маленькая: всего пять миллионов.

– В Бангкоке восемь, – и пожаловалась: – Мой английский очень плох.

– Мой тоже.

Девушка рассмеялась и протянула руку:

– Нет.

– Что-что?

– Меня зовут Нет. Смотри! – написала на квитанции за напитки: «Интер-нет». – А как зовут тебя?

– Непросто: Алексей.

– А-лек-сей, – повторила по слогам. – Действительно, непросто.

Мимо сплошным потоком двигалось нескончаемое желтоглазое стадо машин; с набережной ни ветерка, чуть подальше, в глубине между стойками, были видны канаты высоко поднятой площадки ринга, где двое худых, жилистых, одетых в широченные трусы, резко били друг друга ногами. Я посмотрел на время: стрелка перескочила за час ночи, и решил.

– Нет, ты можешь пойти со мной?

– Конечно.

Спрыгнула со своего стула и вышла за перегородку. Стоя, она мне доставала до плеча.

– Я маленькая леди, – посмотрела тревожно.

– Мне нравятся маленькие леди.

Мы доехали до гостиницы. В номере Нет сразу пошла в душ, а выйдя, закутанная в синее гостиничное полотенце, как-то странно доверчиво прижалась. Я растерялся и погладил сверху мокрые блестящие волосы. Нет подняла лицо:

– У тебя есть жена?

– Подруга, но мы с ней разругались.

– Бэби?

Покачал головой и осторожно развернул полотенце: у маленькой леди были большие для её роста груди с поразительно длинными тёмными сосками. Нет лукаво посмотрела и отобрала полотенце.

– Холодно!

На той израильской подруге я хотел жениться.

На восьмой, праздничный день робкой весны мы встретились, и я подарил ей гордые, как лебеди, готические колюче-красные нежные розы. Она, ахнув, вдохнула аромат, застыла, и я клянусь: неплохое вышло сочетание бледного лица с полузакрытыми на мгновение восторга глазами, пухлых капризных губ и яркого царапающего пламени цветов. Я и сам неожиданно получил подарок: тесно завёрнутый в коричневую бумагу дезодорант в чёрном флаконе. Тоже сочетание: смешно и немного стыдно.

– Этот запах меня возбуждает, – проговорила она, протягивая подарок.

– Понял, – я понял.

– Э-эй! Ты куда пропал?

Нет, сидя на кровати, покачивала руками свои заканчивающиеся морщинистыми дразнящими солдатиками груди и улыбалась.

Действительно, какая разница: розовые соски, тёмные соски, когда реакции одни и те же?

Я разделся, дотронулся до Нет и мгновенно забыл обо всём.

Через час она изумлённо сказала:

– Ну ты даёшь! – и заснула сразу и беззвучно, забыв откинутую руку у меня на подушке.

Я же ворочался, ворочался, наконец не выдержал и включил телевизор: в Бангкоке какой-то человек бил себя палкой по ногам, спине, на одежде всё сильней проступала кровь. Наконец он откинул палку, выхватил нож, воткнул себе в живот, упал, и фотографии приблизились вплотную. Через мгновение сцену повторили плюс крупный план кровавых потёков у лежащего тела.

– Если хочешь, я уйду, если хочешь, я останусь, – сказала Нет на следующий день.

– Останься.

– Ура! Тогда пойдём есть. Я знаю место, где дёшево и вкусно.

Мы вышли, как пара детей, держась за руки: я, в шортах и майке, коренастый лысоватый израильтянин в очках, и смуглая черноволосая девушка в красненькой кофточке и джинсах. Идём себе мимо «Герман-хауз», где умный немец вкусно читает утреннюю газету, мимо «Кабакъ» с пинающим стулья тонкогубым злодеем, по дороге пронеслись, обгоняя друг друга, мотоциклы, мимо пустого «Айриш-паб» – трубач, теперь он спит, сомкнув усталые губы, ночью выдул все звуки и забыл свою беззаботную трубу сверкать горячим жёлтым на солнце и наконец увидели: на горизонте, сам себе тень и тело, тонкий китаец в высоченном поварском колпаке пляшет у жаровни.

– Вот он! – повернула счастливое лицо Нет. – Мастер. Мы будем есть том йам гунг!

Мы устроились за наскоро протёртым тряпкой столиком рядом с вентилятором, и он, разгоняя, разбивал горячий влажный воздух о наши спины. Важная круглолицая девушка в красном фартуке выслушала, кивая головой, подробные указания, ушла к своему мастеру, и я спросил – я всегда лезу, куда мне не нужно:

– Нет, у тебя есть парень?

Отрицательно покачала головой.

– Был муж, но мы разошлись, так что я одна, правда у меня есть брат, но он далеко, и он монах. Восемь лет, целую жизнь, я продавала рис, наконец год назад оставила ребёнка с дядей, приехала сюда и все заработанные деньги я посылаю к ним. Моему мальчику десять лет, он учится в престижной школе, и ему надо полторы-две тысячи бат в неделю.

– Но это же страшно много! Сколько ты получаешь в баре?

– Две в месяц.

– А платишь за квартиру?

– Семьсот.

– Как же ты справляешься?

– Мне помогает мой Будда.

Круглолицая девушка принесла дымящийся суп и к нему белый-белый рис. Я попробовал и оторопел от удовольствия.

– Скажи, здорово? – Нет сияла.

– Знаешь, я бы могла остаться с тобой, – вдруг храбро решила, справившись со своей порцией, – у тебя и снизу, и сверху всё нормально. Жаль, что ты на десять дней.

– Что у меня сверху, я ещё и сам не разобрался.

Нет хихикнула:

– Так разберись. Или пойдёшь к Будде.

Зазвенел звонок, она схватилась за сумку, вытащила телефон:

– Аллю, аллю! Sawasdee Ka, Ой! Ты где? Да? Ну и как?

Неожиданно сунула его мне:

– Поговори с ней, Алексей!

– Аллю?

– Привет! – смеющийся голос. – Что вы делаете?

– Завтракаем.

– В два часа?

– Так получилось.

– Очень даже интересно у вас получается.

Нет отобрала телефон и перешла на тайский.

– Это мой друг! – сообщила потом. – Она очень добрая. Я, приехав, была как слепой котёнок, не знала, куда приткнуться, а Ой, встретив меня, поверила. Когда мне нечего есть – я иду к Ой, когда мне плохо – я иду к Ой, когда хорошо – я тоже иду к Ой.

– Ой красивая?

– Да. Если меня берут два раза в неделю, её берут каждый день. Но сейчас у Ой бэби, и она почти не работает.

Я расплатился, и мы встали.

– Тут рядом «Биг-Си», пойдём туда, погуляем?

– А что это такое?

– Такой центр.

– Давай, конечно.

Несмотря на то что мы съели суп и к нему рис, а к рису рыбу с приправами, нас по-прежнему окликали продавцы съестного в шляпах-зонтиках, несущие на коромыслах огромные корзины с кальмарами, мясом, устрицами, креветками и ещё чем-то, чему я не знаю названия, и каждый их шаг сопровождался звоном колокольчиков; нам призывно махали руками продавцы кокосовых орехов, а продавцы сладостей бодро катили навстречу игривые, светящиеся разноцветными лампочками тележки.

– Success, – прочитала Нет название ресторана, у массивной двери которого был выставлен весёлый деревянный человек с открытым ртом. – что такое success?

– Ну, это как бы... Ну, например, – я нашёлся, – если бы ты была занята на следующей неделе не два дня, а все семь.

Вход в центр охраняли два маленьких бесстрастных солдата в коричневой форме, высоких сапогах и с пистолетами на поясе. Появился офицер, они, отдавая честь, синхронно взметнули руки к фуражкам и, подпрыгнув, ловко щёлкнули сапогами: вблизи будто лопнул воздушный шарик.

– Вперёд, вверх! – Нет не терпелось.

Мы вошли, забрались на последний этаж, попав в полукруглый сумрак кинотеатра. Я машинально поднял глаза и ахнул: стремительный высокий потолок, раскрашенный синим и белым, вырываясь, создавал далёкое и прекрасное небо.

– Я ведь сюда часто прихожу, – сказала Нет с неожиданной грустью. – Просто смотрю, больше ничего. А про Success неправильно, – вдруг добавила, запинаясь, – я не знаю, но совсем неправильно.

Мои нежные розы для черноволосой израильской девушки, моя ломкая гордость. Девушка, ахнув, прижала к лепесткам лицо, но тут зазвонил телефон и, восторженно, взяв его со стола:

– Ой, это ты, Лена!

Она начала расспрашивать о знакомых, жаловаться на усталость, смеяться новостям, записывать рецепт торта, я же будто ждал очереди у телефонной будки, около которой проходят с шумом трамваи, и пронизывающий холод налетает ветром с набережной Фонтанки.

– Я к тебе хорошо отношусь, – часто повторяла эта девушка, а я только теперь понимаю: уйти надо было именно тогда, пока выпархивающие из любопытного рта мотыльки слов так мило кружились у передающей мембраны телефона.

– Не хотел тебя обидеть, – я виновато обнял Нет, – действительно не хотел. Давай, может, купим что-то? Хочешь мороженое?

Но она не хотела мороженого. Попросила:

– Пойдём домой.

Два дня мы любили друг друга, дышали в унисон, завтракали, обедали, ужинали, гуляли по набережной, смотрели телевизор, сначала CNN, и я возмущался и кричал:

– Это моя страна! Эти бомбы, эти трупы – это всё моя страна!

А потом переключались на тайские новости, показы мод, тайские фильмы.

Но на третий день я почувствовал – мне душно, я устал от близости чужого дыхания. В конце концов, я не хочу больше никакого втягивания в эти разбивающие отношения. Да где та кукла с набором сменяющихся масок и маленьким отверстием для выполнения необходимых потребностей, чтобы, довольным выходя из дома, я бодро ходил по улицам, ездил на работу и лишь изредка, сталкиваясь с чужим телом, вежливый до мерзости, извинялся.

Вечером, когда хор слаженно пел славу их королю, я сказал:

– Нет, я завтра уезжаю в Бангкок.

– Я могу с тобой, – она не поняла.

– Я надолго.

Нет порывисто соскочила и начала одеваться: тоненькие чёрные трусики, лифчик, джинсы...

– Ты куда? – спросил я с изумлением.

Мелькнула досада: «Ну опять, а ведь ничего плохого не хотел?»

Бросилась ничком в кровать.

– Нет, ну пожалуйста, ну куда ты пойдёшь так поздно?

Медленно повернулась на спину. Сказала срывающимся голосом:

– У тебя отпуск, а я женщина для употребления. Мотобайк для поездок, женщина для употребления. Спи, Алексей, я завтра уйду, как ты хочешь.

Я заснул и во сне, как пытался вспомнить утром, кому-то что-то страстно доказывал, о чём-то просил, не запоминающиеся образы, смешиваясь, налетали один на другой, и при этом постоянно чувствовал, как рядом дышит и ворочается Нет. Но утром, решив не отступить, выложил деньги на столик рядом с зеркалом. Хотя она их долго как бы не замечала, мылась, потом красилась, наклоняясь очень близко к зеркальной поверхности, надела свою старенькую кофточку, особо медленно застегнув пуговички, тщательно пригладила её руками на себе, наконец взяла, пересчитала и ахнула:

– Алексей, это очень много, ты не ошибся?

– Бери, Нет.

– Знаешь тогда что, – она решительно потрянула волосами, – Мы пойдём к Ой и устроим праздник!

Против этого, предчувствуя освобождение, я ничего не имел.

Но для начала Нет надо было переодеться: её комната с высоким потолком и облупленными стенами оказалась сплошь обклеенной оставшимися от прошлых жильцов плакатными целующимися парочками и полураздетыми женщинами. Основной предмет обстановки – огромная тахта, у изголовья портреты короля-мальчика с гордо поджатыми губами, свадьба короля-юноши и сегодняшнего короля, чуть усталого, с теми же жёсткими губами и в очках – за что они его так любят? У противоположной стены вешалка с несколькими сиротливыми платьицами, но мне не дали рассмотреть имущество до конца – опрокинули на основной предмет, раздели и использовали, двигаясь определённым образом, целуя и прижимаясь упругой тяжестью к груди, пока я, вскрикнув и выгнувшись, не отдал то, что от меня хотели. Наконец, разъединившись, мы остывали, уже полубезразличные, вбитые в простыни, и смотрели, как вверх вентилятор безрезультатно размешивает плотную влагу воздуха. Нет опёрлась на локоть, потянулась к тумбочке – на торчащий сбоку острием гвоздь были наколоты счета, –

взяла тёмную шкатулку, нажала на выступ, крышка открылась, внутри защёлкнулась механическая птичка:

– Сью, сью, сью, – изо всех сил, – сью, сью, сью!

– Смотри, смотри, какое чудо! – сказала Нет с восхищением. – Тебе правда нравится? Я возвращаюсь домой, открываю, и мне становится легче.

Я взял шкатулку из её рук: маленькая зелёная птичка, раз за разом издавая звук, резкими движениями поднимала крылышки и голову. Круглая вешалка с тремя платицами, портреты короля, поломанный вентилятор, жалкие удобства с тазиком и шлангом, изо всех сил старающаяся маленькая птичка:

– Сью, сью, сью. Сью, сью, сью.

Мне подкатило к горлу.

– Ну хватит, – Нет осторожно закрыла шкатулку, – надо идти. Какое платье надеть, как ты думаешь?

Мы вышли и направились на рынок. Я уже за эти два дня увидел, что Нет умеет устанавливать дружественные отношения с самыми разными людьми. Вот и сейчас, легко продвигаясь по рынку, как-то доверчиво советуясь, заразительно смеясь, важно расплачиваясь (от моей в этом помощи она возмущённо отказалась), Нет создавала вокруг себя ауру обаяния. Я же сзади ответственно тащил всевозможные пакеты. Наконец мы закончили с покупками и приехали к Ой – высокой, выше меня на голову, девушке в мини, с яркой улыбкой и с хвостиком чёрных волос, небрежно перехваченных резинкой. На кровати лежал голый улыбающийся коричневый младенец.

– Это я с тобой разговаривала? – весело спросила Ой.

– Да.

Комната Ой была светлая, прохладная от кондиционера, на небольшой балкон смотрела стеклянная дверь. Нет вдруг шепнула:

– Я сейчас вернусь, – и убежала.

На работающем без звука телевизоре стояла фотография в рамке, я всмотрелся.

– Интересно? Это мой муж. Он итальянец. Мы разошлись, но он до сих пор ко мне приходит.

– Зачем?

– А ты как думаешь?

Ой взяла продукты и, напевая, стала возиться с ними на балконе, где на небольшой подставке стояла электрическая плитка, а резиновый шланг смывал с плиточного пола грязную воду в специальный сток.

Судя по фотографии, итальянец был гораздо старше Ой, лет, может, на двадцать, в его отяжелевшем лице читалось беспокойство, они стояли около каких-то коттеджей, и итальянец держал на руках девочку.

– Всё ему было не то, – сказала Ой, – всё меня ругал. А теперь приходит.

Она явно видела, что нравится мне, а так как привыкла, что нравится всем, то относилась к этому с весёлым и не обидным равнодушием.

– Скажи, Нет – сексуальная? – подмигнула.

Тем холодным мартовским вечером кроме цветов я ещё принёс моей возбуждающейся от дезодоранта израильской девушке стреляющий фильм «Матрица», мне почему-то очень хотелось его показать.

– Вот увидишь, он тебе понравится! – сказал я с восторгом.

– Ладно, – согласилась она. – Будешь кофе?

– Буду.

– А конфеты?

– Пожалуй, не надо.

– Ну, я на всякий случай поставлю.

Включили телевизор и почти-почти досмотрели фильм: опять телефон.

– Алло? – вскочила и, ловко обогнув меня, пошла в кухню.

Мерцал телевизор, притушенные, стояли цветы, местный житель – рыжий скверный кот бродил кругами, то попадал в свет, проливавшийся через полуоткрытую дверь из кухни, то исчезал – уныло нанизывал на хвост минуты. И во мне стал сворачиваться и разворачиваться осьминог. Девушка вернулась, в глазах некое напряжение, полуулыбка. Взглянула на часы и вдруг зевнула:

– Что-то я устала, такой день тяжёлый.

Ожидаясь посмотрела. На журнальном столике чашка, из неё я так и не допил кофе. Жалко. Я было дёрнулся допить, но застыдился, встал, она торопливо меня чмокнула.

О, как сладко чувство унижения! Не смешивающееся ни с чем, чистое в своей незамутненности, какие тоненькие струнки... Но шутки в сторону, тут полумерами не обойтись, если ты способен что-то испытать, надо добрать до конца. Поэтому я не ушёл, и в приبلудной компании двух подмигивающих, забавляющихся под ногами кошек ждал, пока она не вышла и не села в машину. Но этого мне показалось мало, и я почти дрожащими руками стал набирать её номер – а вдруг найдётся объяснение? Но телефон молчал. Со мной она ни при каких обстоятельствах не выключала его, а тут – закрыла. И тогда мне пришла в голову замечательная мысль, хотя вы, конечно, скажете: «Детство». Может быть, но я вскрикнул от восторга, и мои бедные сопровождающие кошки, забыв друг о друге, рванули в стороны. Нет, я не сотворил ничего страшного, просто зашёл обратно в дом, вытащил дезодорант – ах, какой запах! И, сильно и долго нажав, выпустил весь газ на знакомую дверь: мне не жалко, пусть наслаждается. Аккуратно поставил пустенькую склянку на коврик: ку-ку, и будто во сне, с телом легче наилегчайшего пуха, полетел домой. Вот теперь я её прощаю. Только так и надо поступать: тебя ударили, а ты прости, да не просто прости, а доставь удовольствие, облагородь ударившего. И тогда никаких войн, пожаров, дезертирства, а ты, уединившись, потихоньку потираешь другую щёку, чтобы она приобрела тот же цвет, что и битая.

– Скажи, она сексуальная? – повторила Ой.

– Сексуальная.

Длинная её прядь волос, каким-то образом выбившаяся из резиночки сзади, всё падала на глаза и явно ей мешала, но руки были заняты картошкой, Ой дула вверх, поправляла плечом, но это мало помогало. Я встал и, подойдя, убрал чёлку. Глаза Ой сузились, и уже специально дёрнув головой, она упрямо уронила прядь. Но тут ворвалась счастливая Нет, сзади внесли большой ящик.

– Я купила телевизор, я купила телевизор!

Мы сидели на ковре около кровати, младенец заснул и не мешал. Ой обняла маленькую Нет, которая, внезапно погрузнев, совсем не ела, а сзади итальянец мрачно смотрел на их спины. Мне даже показалось, что его нервное лицо чуть повернулось для лучшего обзора. Немного погодя присоединилась ещё женщина, возрастом старше всех, очень медленная, с величавыми, плавными движениями.

– У меня был друг из Греции. Я думаю, Израиль рядом?

– Рядом, – я подтвердил.

– Так ты действительно оставляешь Нет? – неожиданно спросила Ой.

– Ой, зачем? – Нет дёрнулась. – Я же тебе объяснила: моя работа с Алексеем кончилась.

Вечер пожирал звёзды одну за другой, но мне было всё равно. Свободный, я шёл по ночному городу, и девка-реклама, светясь, зазывала меня в свои притоны.

Перед расставанием Нет, накрасив заново губы, подала мне по-мужски руку и, готовясь с побледневшим лицом, как к бою, к ночной работе, куда-то в пустое пространство сказала:

– Я точно знаю, мой Будда меня сегодня не оставит, я подцеплю американца.

Цепляй, цепляй, мне-то что? Игра в любовь для меня вышла дороже, чем обычные встречи. Я ещё раз взглянул на рекламу и застыл: всё вокруг стало жёлтым. Потекли жёлтыми пятнами здания, вспух жёлтыми пузырями асфальт, и жёлтое разохшееся небо просыпалось ржавчиной на голову. И в этой сухой жаркой желтизне как спасение показалась тоненькая фигурка с детским личиком, в беленьких обтягивающих джинсах и беленькой рубашечке. Милая... Моё разовое чудо... Что? Мне махнули рукой? Вся безумная тяжесть спустилась вниз и сосредоточилась в одном месте, мир сузился до колеблющейся приглашающей узкой фигуры, я двинулся за ней, как сомнамбула.

Но чудо, как всякое чудо, продолжалось недолго: из её комнаты в жуткой дощатой гостиной выскочил худой мужик в юбке, показав на мгновение старое лицо под чёрными спутанными волосами, и я понял. Комок подкатил к горлу, желтизна подёрнулась рябью и рассосалась, оставив привкус прогорклости в горле.

– Мужчина, что-то не то?

Меня замутило.

– Не то, – я собрался с силами, – но это уже не имеет значения.

«Мой Будда, а мне, значит, ты это приготовил? – мелькнуло. – Ты так хочешь? Ладно, я в твоей стране».

Фигурка разделась, обнажила чуть припухшие соски, ломкое, коричневое тело, руки тростинками, более широкие на локтевых сгибах, на бёдрах осталось полотенце. Да даже если бы я хотел уйти, уже не смог бы – ноги не повиновались.

От существа несло не женским и не мужским духом, некая смесь табака и духов, я прикасался и одновременно отталкивал его.

– Мужчина, а деньги?

– Всё тебе деньги, – и я, ахнув, шарахнулся в сторону.

Андрогинное тело на моих глазах стало изменяться, становилось усядистым, грузным, полез вперёд живот, оплыло лицо, на меня смотрел я сам.

– Мужчина, а деньги?

Мой Будда, каждый раз я трахаю себя сам.

Потный и грязный, я поплёлся обратно. Совершенно обычный вечер (и откуда я взял желтизну?) к тому времени уже пожрал все звёзды и повесил пелену ещё большей духоты. А я думал, что всё-таки я дурак: ну зачем мне надо было следить тогда? Ведь мне нравилась эта девушка, и я догадывался об её фокусах. Я обязан силой приучить, вдолбить себе, написать на лбу: хочешь быть рядом с человеком – прощай ему!

Но не всё так легко заканчивается. В этот вечер я ещё раз встретил Нет. В дискотеке «Бомбей» девочка с узкими глазами и ниспадающей чёлкой, в огромных сандалетных платформах пританцовывая на эстраде, задорно запела тайскую зажигательную песенку. Все повскакали с мест, и я вдруг увидел рядом с полупьяным, голым по пояс, длинным парнем Нет. Маленькая, ловкая, со своей поразительной грудью, повязав голову его рубашкой расцветки американского флага, она вся отдалась танцу, при этом не упуская момент прижаться точно так же доверчиво, как в бытность ко мне, к остолебневшему, еле передвигающему ногами партнёру. Я растерялся – может, уйти? Но вместо этого упрямо сел около танцплощадки и заказал кофе. Нет с парнем ещё потанцевали, парень захотел пить пиво, Нет хохотала, дурачилась, чёркала что-то ему на квитанции, подмигивала, наконец повела к выходу, бережно придерживая за талию. Но проходя мимо, вдруг бросила на мой столик записку. На квитанции за напитки были написаны всего три слова: «Как ты, Алексей?»

Ну что я могу сказать?

Сью-сю, прощай, маленькая птичка.

Подняться над землёй

Сегодня, в одиннадцать часов вечера, возвращаясь из города Сыктывкара, один наедине с собой в почти пустом вагоне, он не был счастлив – ему отказали в любви. Загородившись от неяркого вагонного света ладонями и прижав лицо к холодному стеклу, он разглядывал ночь за окном с её мгновенно пронесившимися одинокими дорожными переездами с огоньками семафоров, заснеженными станциями северных российских посёлков и бесконечный лес, лес, лес.

– Эй, парень! – послышался весёлый голос сзади. – Кажется, на одной остановке сходим...

Он обернулся – в проходе стоял Щербатый и улыбался.

– А-а-а, – неохотно сказал, – откуда едешь?

– Бухали там, бухнём и тут, – Щербатый уселся рядом и толкнул его в бок. – Лёха, а с тобой, оказывается, бабы едут.

Действительно, две штуки баб сидело. Одна – лет двадцать пяти, похожая на третью мировую войну и без передних зубов; вторая – шестнадцати-семнадцати лет с миловидным круглым личиком и маленькими быстрыми глазками.

– Эй, девочки, а давайте к нам, у нас водочка есть, – позвал их Щербатый и поставил бутылку на стол.

Девочки жеманиться не стали и с готовностью сели рядом. Водку они пили, не закусывая – нечем было, но пьянеть не пьянели.

– Короче, так, – шепнул ему Щербатый, – берём их с собой в посёлок. Жить будут у тебя – ты всё равно один. Я буду с малолеткой, а ты бери ту каргу дикую...

– Что-то быстро у тебя получается, – сказал Алексей. – Если они жить будут у меня, то с малолеткой буду я, а не ты.

Щербатый вскочил на ноги, но потом раздумал и опять сел. Вытащили ещё бутылку. Со второй стало веселее, и в вагоне явно потеплело. А к ним как-то незаметно присоединились ещё двое: плечистый, лет тридцати пяти, и постарше, где-то под пятьдесят, с огромными, кирзовыми руками. Положили нож на газету, достали опять, плюс сало там, огурчики солёные. Сидели. Щербатый взял каргу и пошёл в туалет. Алексей равнодушно глотал водку, а малолетке явно понравился крупный, плечистый красивый парень. Она потихонечку так придвигалась к нему, придвигалась, пока не устроилась очень уютно под небрежно обнимающей её гибкую девичью спину крепкой рукой и голову свою положила тому на грудь. Но, развалившись на сиденье, улыбаясь, плечистый начал вдруг ударять её сперва плашмя ладонью, а потом и кулаком. Сначала малолетка принимала это за игру, но кулак бил всё сильнее, и она заплакала.

– Сдвинься к окну, – сказал Алексей.

Малолетка мгновенно переместилась, и он сел между ней и парнем.

– Фраер вонючий, – удивился плечистый, – ты с кем связался, падло? А ну встал, быстро!

– Хватит, наигрался уже, – тихо ответил фраер.

Они вытащили его в тамбур.

– Всё, петух, приехал! – у Кирзового щёлкнул нож-бабочка.

Но тут вошёл проводник и, особенно не глядя на троих, посвистывая, стал открывать дверь наружу. Ворвался свежий, морозный ветер, замелькали близкие огни, поезд замедлял ход.

– Ми-и-кунь, – с видимым удовольствием заорал проводник.

Двое сошли, а Алексей пошёл обратно доедать сало, оставшееся на столике, – голодный был с пустой водки и нервов. Наконец вернулся ленивый Щербатый с такой же ленивой, равнодушной сейчас каргой и отправился сразу спать. Потом женщины отдельно поехали дальше

на Север, а Алексей со Щербатым вышли на следующей остановке, станция Вожская она называлась.

Город Микунь, тысяч на восемь жителей, был главным административным центром на этом участке земли. Сразу на привокзальной площади стояло всё, что было нужно для города такого масштаба: скульптура – серп и молот во весь рост, с приклеенным к этим двум инструментам рабочим, совмещённое здание исполкома и районного комитета партии, школа, пустой универмаг, а чуть поодаль – бревенчатая изба детского сада со стоящим в снегу гипсовым пионером в шортах и больница, окружённая покосившимся деревянным забором. Так вот, как-то раз во время одного из походов в лес Алексей заблудился и вышел только через три дня с обмороженными по локоть руками. Его друг, старый врач Александр Терентьевич дал ему спирту для анестезии, махом вскрыл волдыри и наложил повязки. Благодаря анестезии больно не было, а вот топить печку этими забинтованными руками было бы, по-видимому, трудновато.

– Знаешь, Лёша, дам-ка я тебе направление в больницу, – сказал Александр Терентьевич. – Ничего особого у тебя нет, но полежишь, отдохнёшь. Опять же тепло там, слышал, топят хорошо...

И Алексей поехал отдыхать. В палату натащил себе книг. И читал, читал целыми днями. «Максим Максимыч», «Бэла», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Вешние воды» – во весь голос звучала для него музыка русской классики. Это было ещё время, когда хотелось не забыть.

Ну а проснувшись, увидел её. Любовь была тоненькой, высокой девушкой и хотела познакомиться с ним.

– Я здесь работаю, в детском, – сообщила. – Я вообще люблю детей. А живу в общежитии, рядом. Заходи.

– Меня уже выписывают, – сказал Алексей. – Вот выпишусь и зайду. Ты завтра дома?

И он зашёл, предварительно купив бутылку «Андроповской». Прошёл по тёмному коридору и постучал в дверь.

– Знакомься, – сказала Любовь, – это Юра, врач. Он уже уезжает, я его друг, у него были тут такие неприятности, а я помогала, я вообще очень сильная.

Когда немножко выпили, Юра смущённо поднялся и ушёл, тихо сказав:

– Мне на дежурство.

Смеркалось. Они сидели друг напротив друга и молчали, а в соседней комнате, где жили офицеры МВД, включили магнитофон с итальянцами.

– Давай я тебе погадаю, – сказала.

– Ты ж не увидишь, темно.

– А это неважно. Вот, смотри – ты будешь женат только один раз, и у тебя будет двое детей.

– А сколько я буду жить?

– Не знаю, про это я не умею.

– Вот интересно, – озадаченно пробормотал Алексей.

– Ну раз тебя жена и дети не интересуют, – рассмеялась Любовь, – я тебе брусничный чай заварю. И знаешь, просьба к тебе: не приноси, пожалуйста, больше водку там, спиртное. Ведь можно обойтись без этого.

Когда Алексей вернулся в посёлок, первым встретил Александра Терентьевича. Тот оглядел его, улыбающегося, и покачал головой:

– Экий, право, ну прям-таки сияет весь – наверное, барышню встретил. Кстати, Лёша, ты никогда в похоронной команде не участвовал?

– Нет, а что?

– Будешь. В штабе приказ висит. Я тоже там.

Алексей особо не удивился – похороны так похороны. Только спросил:

– А кого?

– Человека, – ответил Александр Терентьевич, – человек умер.

Вообще все эти посёлки представляли собой концентрацию обслуживающего и надзирающего персонала для уголовников. И жизнью каждого такого посёлка и зоны рядом с ним вполне по-монархически правил какой-нибудь майор или подполковник, являющийся по должности начальником штаба, всемогущий «хозяин» этих мест. Ну и как при любом монархическом режиме, наиболее ненужные этому режиму люди были местные образованные без погон и прямо не занятые в надзоре. Вот их и посылали то по разнарядке собирать сено в Коми-деревне около Ухты, то закапывать по плану перехода на самообеспечение три тонны украинской картошки в болотистую, ничего не рожающую землю, то на похороны и при жизни никому не нужного человека.

Около посёлка в довольно пустынном месте находилась электростанция. Десять лет назад отсидевший от звонка до звонка уголовник, нанятый на работу электриком, поставил около этой электростанции для себя ящик. Довольно большой, в соответствии с человеческим ростом, жилой ящик с печкой и нарами. Сейчас уголовник лежал с открытым ртом, и пока его тело разлагалось, чужие люди рылись в оставленных им бумагах, пытаясь найти хоть какие-нибудь адреса, чтобы сообщить об этой смерти. Но нашли только одну открытку, отправленную четыре года назад и вернувшуюся обратно. Прочитали личное дело из архива. Итак, боевой офицер, прошедший с оружием всю войну до самого Берлина, возвращается домой, женится и растит двух сыновей. Всё прекрасно, но вдруг он насиует несовершеннолетнюю соседскую девочку. Арест, отказ семьи. Жизнь нормальная закончилась, и началось что-то другое. Уже сидя в своей конуре около электростанции, воя от тоски, бывший офицер начинает работать над историей, маршрутом боевых походов полка, в котором воевал. Посылает письма в Польшу, Чехословакию. И получает ответы: «Уважаемому пану, господину...» – в конвертах со множеством штемпелей и иностранных марок. И ещё он пишет порнографию, роман. Та злая сила, что сломала ему жизнь, до конца не оставляет его. Уже намного позже Алексею попала на глаза нашумевшая книга «Это я – Эдичка». И только начав читать: «Я часто вожусь с голой жопой и бледным на фоне всего остального членом...» – он остановился. Господи, да я читал уже это! Ну не так, не точно так, но читал! Не у злого поэта, а у уголовника, сжигаемого страстью к насилию, одинокого, затравленного судьбой зверя. Тогда Алексей, прочитав до конца – а написано было сильно, смачно, – открыл, подумав, конфорку печки и кинул всё в огонь, туда, где трещали дрова и извивалось жёлтое горячее пламя. За свои похороны, кстати, умерший заплатил – у него нашли деньги, часть которых дали похоронной команде для обустройства всего. Продолбили сжатую морозом холодную землю на районном кладбище и опустили вниз длинное тело в гробу. Сверху поставили крест. На обратном пути похоронщики напились как свиньи, используя до конца в правильном направлении остатки денег. И всё. Тело в земле, рукописи съел огонь, дав минутное тепло, деньги со сберкнижки достались гигантскому государству, деньги из карманов – пьяницам. Нет человека. И нет мыслей его. Ветер.

А Алексей был теперь занят. Занят любовью. Он ведь влюбился. Первый раз. Уже думал, что не получится, не суждено. Оказалось – получается, так забрало, что куда там... Все планы, даже друзья ушли в сторону. Важно стало только одно – увидеть. Опять увидеть. При первой возможности уезжал из посёлка. Выходя на вокзале, бежал, не теряя ни минуты, к её общежитию, но когда оставалось совсем немного, переходил на шаг и чинно так, спокойно шёл, успокаивая дыхание. Со сладким тянущим чувством открывал дверь и заходил в нагретый уют. Тут всегда было открыто для него. Его девушка обычно спала в это время – у неё часто были ночные дежурства. Он садился рядом, брал в руки книгу, читал и смотрел на неё, спящую. В этот раз она так счастливо улыбнулась, увидев его, проснувшись, что у Алексея захолонуло сердце. И когда он хотел выйти, чтобы дать время одеться, сказала тихо:

– Лёшенька, подожди... Посмотри на меня.

Поднявшись в постели, зарумянившись, медленно, очень медленно опустила одеяло с плеч.

– Ну поцелуй же меня, милый...

И сама, не дожидаясь, полуоткрытыми губами коснулась.

А вообще он был очень неуклюж, и она порядком намучилась с ним. Потом, после всего, прижавшись, улыбнулась:

– Вот, старше меня, а не научился...

– Тебя ждал, – ответил Алексей. И помолчав, добавил: – Чтобы научиться.

Как же было холодно в доме, когда он вернулся: в ведре заледенела вода и встала бугром, а стены около двери покрылись изморозью. Быстро принёс дрова из сарая и растопил ими печь. Тут в стенку постучали, и он зашёл в соседнюю квартиру. Там веселились прапоры. На кровати лежала голая женщина, раздвинув ноги. Выше – груди, ниже – две складки в спутанных чёрных волосах. Просто и ясно, без тайн и вопросов.

– А-а-а, Лёха, наконец-то! – загалдели прапоры. – Хочешь попробовать?

– Нет, – сказал. – Спасибо, ребята... Я ведь больше по водке специалист.

А про себя съехидничал: так от всего отказываться – опыта до старости не приобретёшь.

Прапоров было пять – здоровые молодые ребята в форме. Они весело матюгались и весело пили водку. Время от времени кто-нибудь из них скидывал брюки и, приплясывая волосатыми ногами, шёл к кровати.

– Вот это баба! – сказал кто-то с восторгом. – Подмахивает как...

Тут ворвалась веснушчатая, заплаканная жена одного из них, схватила за руку своего пацана-мужа и попыталась вытащить его из квартиры.

– Нет! – упираясь, кричал муж. – Надоело, да иди ты, в самом деле, да пошла, пошла, сказал тебе!

Женщина немного приподнялась на локтях: ей было интересно. Потом опять легла и подняла ноги в коленях. Между ними на грязной простыне расплылось мокрое пятно.

– Вот это да! – закричали прапоры, почему-то это воодушевило их ещё больше.

Немного согрившись и выпив, Алексей вернулся к себе. Печка гудела. И в темноте огонь сквозь чугунную решётку бросал красноватые блики на стены и потолок. Сваленные в беспорядке на пол дрова отошли от мороза, и в комнате пахло сосной. Он сел, открыл дверцу, протянул руку к теплу. И слыша бесконечный, качающийся скрип за стеной, подумал:

«Как же я счастлив, Господи...»

По утрам Алексей каждый раз ходил на работу, хотя, в отличие от работы прапоров, работа его не была нужна здесь. Работал он инженером по технике безопасности. Просто такая должность числилась в штате организации под сложным закодированным названием, и ставка должна быть заполнена. В этих местах, где высокий лес закрывал небо, зимой выпадало столько снега, что он двухметровым слоем застилал всю землю и люди ходили по специальным мостикам, чтобы не утонуть. Но через некоторое время снег становился чёрным. Это была сажа. Даже здесь люди крепко достали природу, да и самих себя тоже.

Рядом, в зонах и поселениях, уголовники не просто сидели, медленно исправляясь, нет, они работали. И эти искалеченные душою люди спокойно, по государственному плану калечили природу. «Труд облагораживает человека». Может быть... Но не такой труд. Какой-то другой. Таким трудом только деревья распиливались на обрубки. И дли-и-нными составами после надлежащих проверок, чтобы никто из работников не сбежал, отправлялись поезда на юг с этими установленными размерами обрубками. Страна Коми расставалась с лесом. Несортовые доски, кору, опилки девать было некуда, но выход нашли: в промышленной зоне построили большую печку и круглосуточно, ни на минуту не останавливаясь, сжигали в ней то, что не хватило ума использовать. От этой десятиметровой в высоту печи, закрытой сверху облаком дыма, распространялась сажа от сгоревших деревьев и падала на снег.

Алексей боролся, как мог. Очень много сделал мелких неприятностей окружавшим его людям и вконец испортил отношения с начальством в шинелях. А толку не было. И ходил он на работу зря.

Восьмое марта – праздник. Праздник весны и наших женщин. Подтаявший снег, порывы свежего ветра и длинный, светлый день с уже пригревающим, тёплым солнцем. В этот день хорошо тем, кто не один. А Алексей был не один. Весь день они провели вместе, а вечером решили пойти на танцы. В клубе светились в полутьме разноцветные лампочки, играл что-то западное с криками магнитофон, топтались люди в такт.

– Что-то музыка не очень, – сказала, – пойдем покурим?

Когда вернулись, на небольшой сцене парень настраивал гитару. Вот он настроил, перебор, ещё перебор, и рванул срывающимся, нервным голосом неожиданное:

– Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю...

И немедленно из всех сил пьяные, шальные, весёлые сегодня люди своими голосами поддержали:

– Виновата ли я, что мой голос дрожал, когда пела я песню ему...

Под этот голос, под эту песню они ушли. Всё исчезло, и видел он только её расширившиеся с дурманом глаза.

– Виновата во всём, виновата кругом, ещё хочешь себя оправдать...

– Лёша, ты любишь меня? – еле слышно спросила Любовь, одним дыханием.

Ему захотелось крикнуть в ответ, но почему-то он промолчал, и крепче прижал её к себе.

– А я верила вся и, как роза, цвела, потому что любила его...

Когда опомнились, оказалось, что песня давно смолкла, а они, обнявшись, стоят на бревенчатом полу под взглядами всего зала.

На обратном пути, идя ночью по опять замёрзшему, со льдом, скрипящему снегу, под жёлтой холодной луной и звёздами, она слушала, а он рассказывал. И между всего прочего была одна слабенькая история.

– Ты понимаешь, у нас на втором курсе первая девушка из нашей группы выходила замуж. После свадьбы пришла на занятия, я во все глаза смотрел на неё, думал – такое важное событие, что-то должно измениться, но ничего нового так и не заметил. Кроме, конечно, кольца на руке, тоненького и золотого.

Тут Любовь и объявила впервые:

– Это не для меня – муж, семья, горшки...

– Почему? – удивлённо спросил Алексей.

– Я летать хочу... – как-то смутилась, сказала шёпотом. И испуганно посмотрела на него – не засмеётся ли?

Но он не понял и озадаченно переспросил:

– Как летать? Лётчиком?

– Нет, – сказала с сожалением, – лётчиком уже поздно. Стюардессой.

– Что ж тут хорошего?

– Да ты пойми, я жила в маленьком посёлке около Воркуты, отец – шахтёр, всю жизнь под землёй, а я его дочь, когда вижу самолёт, у меня внутри всё зажигается, так и зовёт подняться. Надоело всё: общежитие, больница, эти посёлки, похожие один на другой...

Потом Алексей ехал домой. Выходил в тамбур, курил, опять заходил и не мог найти себе места. Стучали колёса, и поезд мотало на поворотах.

На работе ждал сюрприз – отпечатанный и повешенный на доску объявлений в штабе приказ о зачислении его в бригаду, надзирающую за состоянием дорог в ночное время. Обычно этим занимались офицеры, потому что лес вывозили в основном уголовники. А его назначили, по-видимому, в отместку за неприятности, что он доставлял. Разозлившись, пошёл отказы-

ваться к самому главному. Главный, когда он вошёл, сидел за столом и что-то писал, наклонив крупную лысую голову.

– Слушаю, – сказал и посмотрел немигающими выпуклыми глазами.

Этот человек олицетворял силу. В тридцать шесть лет, срок невозможно короткий для МВД, стал подполковником, начальником штаба, и отстающая давно и прочно по всем показателям организация, объединяющая несколько колоний, стала вырываться вперёд. Уголовники боялись его, как огня. Говорили, что были случаи, когда он поднимал руку на офицеров. Дыхнуть без него не могли. На еженедельных политинформациях появлялся всегда откуда-то сзади, когда ждали только его, стремительно проходил между рядами в своей распахнутой шинели и начинал давить. Без предисловий, пустословия, балансируя на той тонкой грани, когда речь ещё не переходит в площадной мат. И все замирали, тихо было так, что каждый скрип стула воспринимался, как взрыв.

– Слушаю, – сказал недовольно. – Есть недоразумения?

– Да. Меня назначили в эту самую бригаду, я не офицер, приказывать уголовнику не могу, в дороге и вывозке леса ничего не понимаю. Это всё просто бессмысленно. Поэтому я отказываюсь.

– Приказ свой не отменяю, – сказал начальник штаба, – я тебе не ванька-встанька. Но думай. Через месяц буду давать премиальные в размере двух зарплат, и те, кто на вывозке, получат в первую очередь.

И Алексей вечером пошёл на работу – решил заработать. Месяц отъездил в кабинах гигантских МАЗов, а когда пришёл получать зарплату, оказалось, что премиальные дали всем, кроме него. Потом шёл и смеялся над собой.

– Надо же, как купился! Ну это последний раз. Никогда, никогда больше! «Подняться над землёй», – вспомнил. Где уж там.

Но главное другое – с Любовью было не всё ладно. Один раз, приехав, застал у неё высокого светловолосого парня, солдата. И понял – он уже не один.

– Знакомьтесь, – представила, – Антонас, между прочим, из Литвы.

Он промолчал, а потом сказал ей:

– Ты, я вижу, не только детей любишь...

Но всё уже было напрасно – и слова, и чувства. Что можно было делать? Наверное, бросить, не ездить, забыть. Но именно это не получалось, и Алексей стал лечиться: усиленно занялся работой – пропадал в зонах, расследовал несчастные случаи на производстве, что-то писал, что-то докладывал, надоел всем хуже горькой редьки. Как комар, что зудит, зудит, а прихлопнуть недосуг. Подослали уголовника с предложением пронести наркотик в зону – отказался. Как-то вечером двое избили – не исправился. Уходил в лес, бродил там, собирал грибы, ягоды, дышал воздухом пробуждающейся весенней с запахом сосны и первых клейких листочков жизни и возвращался. Уезжал в Сыктывкар, добрался до Ухты, платил за гостиницы, сидел в ресторанах, но не лезло всё это. Пил водку, нашёл себе собутыльника, огромного со звериным лицом парня, отсидевшего свой срок и работавшего вольнонаёмным в лесу. За десять дней этот гигант делал месячный план, а за двадцать пропивал всё заработанное. Несмотря на звериный вид, был он добрым, просто кто-то когда-то использовал его силу во зло. Женщин так и не узнал – сперва сидел с малолетства, а потом пил, работал и пил опять. Только вот в последнее время сердце гиганта стало сдавать. А это значило: через какое-то время выкинут эту больших размеров рухлядь на помойку, сразу в тот момент, как не выполнит план.

Алексей пытался присоединиться, но не лезло, опять не лезло. Как-то вечером пришёл к собутыльнику и застыл ошарашенный: тот плакал навзрыд – на грязном, заставленном бутылками столе стояла радиола, и молодой голос прибалтийской певицы пел, звал:

– Возьми меня с собой... в свой день и час... возьми меня с собой...

Звал туда, где большие, красивые города, которых этот человек никогда не видел, красивые умные женщины, с которыми он никогда не познакомится, а над всем этим солнце, ясное, чистое солнце.

Клин клином выбивают. Тут главное найти то, что понравится. Пошёл в клуб на танцы. На лица не смотрел – главное, чтобы фигура была хорошей. Ему нравились женщины с большими тяжёлыми грудями, чтобы они непременно болтались под кофточкой, плюс оттопыривающийся зад в джинсах.

Нашёл. Пьяную, с грудями в кофточке и задом в джинсах. Пошли к нему домой. Зажгли свет. Она села на кровать, а он стал возиться около печки – затапливал.

– Ты долго ещё там? – спросила. – Я уже разделась.

– Да-да, сейчас...

И пока женщина курила и смотрела в потолок, тоже разделся и быстро лёг. Она повернулась к нему.

– Ух ты, мой маленький... – начала. И провела ладонью между ног. – Что ж ты трусы не снял, дурачок...

Потом он взобрался на неё, и, к его удивлению, всё получилось. Только было очень неприятно, когда холодные пятки женщины касались поясницы.

Одевшись, она спросила:

– Сколько тебе лет, мальчик?

– Двадцать два.

– А ведь мне уже сорок пять. У меня дочь такая, как ты.

«Боже мой, – подумал, – вот влез, вот влез... В кои веки снял, и на тебе...»

– А я считал, что ты у нас девственник, – сказал сосед-прапорщик. – Кого пилил-то?

Потом, встретившись с бывшей своей девушкой, похвастался в отместку:

– Вчера был на танцах. Между прочим, с такой женщиной познакомился, ты бы видела....

Кстати, к ней поехал.... Учиться.

Она улыбнулась:

– Дурачок ты...

Её отношения с этим парнем продолжались, а он всё сходил с ума. И, не зная, куда себя деть, поехал в Питер. Но в Питере его никто не ждал, в Питере шёл мелкий холодный дождь, все люди спешили, а ему спешить было некуда, его никто не ждал. Через три дня вернулся. И всё-таки опять навестил её. Любовь сидела и плакала.

– Почему, малыш? – спросил.

– Меня пытались изнасиловать.

– Кто?

– Те, за стенкой. Там с ними ещё один, новый, он у них заводила. Ух, ненавижу! Ненавижу, потому что не люди, не мужики. Так, убожество!

– Хорошо, – сказал Алексей, – попробую что-то сделать.

Заводилу он знал. Это был холостой сорокалетний мужик с равнодушными, ничего не выражающими глазами. Работала эта гниль в прокуратуре, имела там должность и оклад. Алексей знал, что он живёт в офицерском общежитии. Одолжил финку у охотников, дождался ночь и пошёл туда. Чтобы не проходить через охрану, влез через полуоткрытое окно, тихо открыл дверь в комнату. Подошёл к кровати и быстро зажал рот спящему. Тот встрепнулся, хотел закричать, но не смог. Алексей нагнулся к уху и медленно сказал:

– Узнал, наверное. Если закричишь, конец тебе.

Убрал руку с зажатого рта и вложил между губ нож. Губы зашептали:

– Что ты, зачем, да она, она, ты не знаешь.... У неё ещё один есть кроме тебя – солдат ходит к ней.

– Не твоё дело, сволочь, – сказал с ненавистью и нажал остриём. Потекла кровь, и раздался сдавленный стон.

– А это чтобы понял: тронешь её ещё раз – или ты, или кто-то из твоих, – убью. Тебя. Только тебя.

После всего этого чувствовал себя плохо. Был нервный срыв, на работу не ходил. Лежал на кровати целыми днями, курил и смотрел в потолок. Считал дни, думал, что арестуют. Но ничего не произошло, только пришёл Александр Терентьевич, покачал головой, затопил без слов печь и сел на табуретку около. Спросил тревожно:

– Что случилось? Заболел?

– Нет, – ответил Алексей, – всё хорошо.

Поднялся и поехал к ней. Спросил:

– Ну как? Пристают офицеры?

– Нет, – тряхнула волосами Любовь и засмеялась счастливо. – Я им такое выдала тогда, а одного сковородкой огрела, он так растерялся.

– Ну слава богу, – сказал, – хорошо, что ты такая смелая.

Через месяц она уезжала. Рассчиталась с работой, собрала чемодан и сидела на нём в аэропорту, решительная, напряжённая.

– Я попробую, – сказала. – А то не решаюсь никак, а время уходит. Кстати, Антонас сделал мне предложение, но я отказала. Хочу всё-таки увидеть небо.

– Куда ты?

– В Архангельск, там школа стюардесс.

Покопалась в сумочке, достала фотографию и протянула её:

– Это тебе...

Фотография была сделана давно. С неё смотрела девочка-подросток широко распахнутыми глазами.

– Нет, – сказал Алексей, – это не ты, не возьму.

Она покраснела от обиды, опустила голову и рывком отвернулась.

Алексей сел перед ней на корточки.

– Не надо, не плачь, ты же сильная, – обнял. – Помнишь, кто-то когда-то хотел знать, хотя это уже неважно... – и с трудом выговорил: – Я люблю тебя.

Раздался металлический голос дикторши:

– Пассажиры... рейс номер... регистрация...

Она вырвалась и побежала со всех ног, в охапку схватив чемодан.

Под серым небом гулял холодный ветер. Снизу, с земли, медленно, уверенно, чуть покачивая крыльями, тронулся самолёт. Развернулся. Выехал на прямую и, взревев моторами, стремительно прыгнул вверх.

В полупустом вагоне, загородившись от неяркого жёлтого света, чтобы никто не видел, и прижав лицо к холодному стеклу, он повторял и повторял про себя, не зная зачем, одно и то же:

– А я верила вся и, как роза, цвела, потому что любила его...

Дебют

Восьмидесятые. В магазинах плодово-ягодное и портвейн в бомбах из тяжелого, мощного стекла. Город Череповец полон химических заводов – облака розовые, трава пока ещё зелёная. Пацаны с заточками, мат, переполненные автобусы. Речечка течёт, слабеньким летом одеяльце принёс, «жигуль» открыл, лежишь, загораешь. По бережку битое стекло – не один ты пивком балуешься. А допил «жигуль», размахнулся и забросил в воду – плыви, бутылочка!

Общежития стоят, окна открыты. Одна высунулась, сиськи выставила, сигаретку курит.

– Эй ты, блядь!

– Сама блядь!

И пошла перекличка.

Вот в такой Череповец на берегу реки Шексны приехала на практику сугубо мужская компания студентов. Ну, первым делом они решили отметить приезд. Пошли в магазин, встали в весёленькую очередь. Июль – тепло, безмятежно, ветерок листья рябит. Опять же город новый, вдруг что хорошее выйдет. Только пузырями отоварились, рядом жареным запахло – мужик в очках насакивал на белобрысого толстяка.

– Да я тебя! – толкал в грудь.

Толстяк качался, качался, вдруг взмахнул рукой, сбил с мужика очки и двинул его под дых. Подскочил – и по сопатке!

Мужик упал, закрыл руками лицо, кровь размазывает, зуб выплюнул. Девочка обхватила его, ревёт:

– Папа, папа!

Толстяк ухмыльнулся, пошёл себе.

Толпа оторопела, потом зашевелились, задвигались, кто-то подбежал помогать. Высокий усатый Глеб в компании студентов опомнился первым:

– Если в очках, в драке делать нечего.

– Так точно, учитель! – отозвался быстрый в движениях Павел. Поймал по своему обыкновению из воздуха сигаретку, закурил.

– Во фокусник! – восхищённо прореагировал Филя. – Никак не пойму, как ты это?

Павел подмигнул.

– Ну, что застряли? – напомнил Глеб. Мотнул головой. – Пошли.

В общежитии сиротливые кровати, казённые одеяла, плоские подушки, яркий свет без полутонов. Сели у окна, открыли консерву, хлеба нарежали. Стаканов на всех не хватило, наливали по очереди.

– Надо будет их в столовке свистнуть, – заметил Павел.

Лёшка как вино глотнул, так сразу рот и зажал.

– Ты дыши, дыши, – посоветовал Филя, – пройдёт.

– Что ж это за гадость такая? – с трудом выговорил Лёшка. – «Золотистое», – прочитал на этикетке.

Со внутренних стенок стакана медленно ползла вниз красноватая плёнка.

– Нет, не могу! – рванул в уборную, и там его вырвало.

Когда вернулся, ребята добродушно рассмеялись.

– Повторим? – Филя подмигнул.

– Пас, пас!

– Хорошо, нам больше останется.

– Картишки? – Павел стал мешать.

– С тобой, фокусник, только и играть!

– Да без балды, просто так!

Глеб взял гитару:

Всё напоминает о тебе, а ты нигде.
Остался мир, который вместе видел нас,
Последний раз...

Утром встали, поехали на свой завод.

Где-то за час до обеда мастер дядя Петя объявил:

– Всё, пацаны, работа не волк, пошли!

– Куда, дядя Петя?

– Шибко умный? Раз сказал – пошли, значит – пошли!

Шли недолго – неподалёку была полуоткрыта низенькая дверь. За ней разливали. От одной группы к другой тыкался молодой чернобородый парень, блеснул глазами, тянул протяжно:

– Уйду я от вас, мужики, вот увидите, уйду...

– Куда? – улыбались.

– В овощной грузчиком. Эх, мужики, – мечтательно вздыхал, – там всё иначе.

Дядя Петя, обхватив спины Алексея и Павла, подтолкнул их вперёд и представил:

– Наша смена. Инженера!

– Откуда?

– Из Питера.

– Ну давайте, пока хватает! – гоготнул кто-то.

Дядя Петя с любовью поманил чернобородого:

– Валёк, добавить не хочешь?

Дядя Петя осторожно вытащил из старенького холодильника трёхлитровую банку – на дне колыхалась муть. Протянул Филю. Тот с готовностью отхлебнул. Очумело потряс головой:

– Ну, зараза!

– Эй, а где ключ? – крикнул дядя Петя. – Ага!

Дал Глебу:

– Пока не выпил, там, за углом контейнер. Откроешь, внутри бочки. Та, что слева, початая, отсосёшь шлангом в канистру, поставим на завтра отстаиваться.

Позже, в заводской столовой, он солидно рассуждал:

– У нас, робя, с этим строго – в семь, двенадцать и в пять, а больше – ни-ни. Понял? – поводит пальцем перед лицом Фили: – Ни-ни!

Филя смотрел преданными, чуть поплывшими глазами.

– А что это ваш друбан? – дядя Петя отвлёкся на Лёшку. – Спит?!

– Хлипкий он, – еле ворочая языком, сказал Глеб, – не умеет.

– Научится, – добродушно сказал дядя Петя. Оживился: – Вот приходит новый человек, а как узнать, какой он? Что делать? А налить! Сразу и раскроется. Ну, будите, будите, на солнышке перекурим.

Перекурили, потом опять перекурили. Туман чутко развеялся.

– Мужики, а что в выходные?

– С бабами бы познакомиться... – мечтательно произнёс Филя.

– Сами придут, – усмехнулся Глеб. Посмотрел на часы. – Почти пять. Закупиться надобно.

– Я «Золотистое» больше не употребляю! – предупредил Лёшка.

– А ты, Филя?

Филя рассмеялся.

Вечером лень, карты, из окна веет свежестью, на столе опять спиртное.

– Ну, за здоровье!
Опрокинули раз, второй, третий...
Глеб притушил сигарету в консервной банке.

Всё напоминает о тебе, а ты нигде.
Остался мир, который вместе видел нас
Последний раз...

– Разольём! – спохватился Филя.
– Что-то резво идёт! – заметил, закусывая огурчиком, Павел.
– Так! – Глеб отложил гитару. – Надоело. Кто со мной в разведку?
– Я! – выкрикнул Филя.
– Я, – сказал Лёшка.
– Паша?
– Голова болит.
Глеб, перегнулся через окно, посмотрел вниз.
– Невысоко, – объявил. – Спускаемся по простыням! Лёха, связывай!
– Филя ты первый!

Филя поплевал на руки. Полез. Некоторое время за окном виднелась его встрёпанная голова, потом исчезла.

– Лёха?

Лёшка молча отправился следом. Простыня заканчивалась довольно высоко от земли, и он неудачно упал на четвереньки, ударившись руками о тёплый асфальт и ободрав кожу. Встал, оглушённый тишиной и вдруг раздавшимся простором. В тишине пели сверчки, где-то неподалёку квакнула лягушка, сверху узким проёмом в другой, пропахший баклажанной икрой и водкой мир лило свет настезь распахнутое окно. Его плечо нащупал Филя. Негромко кашлянул.

– Привет.
– Привет, – отозвался шёпотом Лёшка.

В окне показался силуэт Глеба. Глеб споро спустился и ловко спрыгнул. Осмотрелся:

– За мной!
– Глеб, не так быстро!
– Давай, давай!

И так неожиданно остановился, что бежавший следом Филя не успел затормозить.

– Тихо ты! – Глеб куда-то пристально смотрел.

Лёшка тоже стал смотреть в ту сторону, но ничего не увидел. Только дальнее зарево от севшего солнца ещё окрашивало горизонт, да чернели деревья, скрывающие ближние дачи.

– Бежим к деревьям! – побежали.
– Пригнулись! – пригнулись.
– Где это мы? – задыхаясь, спросил Филя. – Что за палисадники?
– Вперёд!

Глеб перелез через забор, двое за ним, и сразу залаяла собака. Филя кинул в её направлении камень. Собака заскулила. На ближайшей веранде зажгли свет.

– Ноги!

Опять перемахнули через забор, потом ещё один. Филя зацепился за колючки, стал отди-
раться.

– Ой!
– Что?
– Да вступил! Ведро тут, с краской, что ли...

– Кисть есть?

– Да.

Они уже хорошо видели в темноте, тем более что небо было безоблачным и между веснушками-звёздами величаво светила луна. Глеб подскочил и, хорошо видный в свете луны, стал мазать белой краской из ведра какие-то кусты. Потянуло курятником. Филя бросился, рванул на себя дверь, стал выгонять кур. В результате поднял такой шум, что и мёртвый проснётся. Где-то поблизости вновь залаяла собака, и её лай подхватили другие. За курятником вспыхнул свет, хлопнула дверь, и мужчина в руках с чем-то подозрительным, очень напоминающем ружьё, выскочил на крыльцо.

– Да я вас! – голос задрожал.

– Дёру! – гаркнул Глеб.

Сзади бабахнуло.

– Все целы?

Глеб бухнулся на землю:

– Ползём!

Сзади бабахнуло ещё раз. Захлопали ставни, слышались голоса.

Они побежали. Бежали долго. Заборы, заборы, деревья, и вдруг открылась вода. Камыши.

– Давно я не купался! – обрадовался Филя.

Разделись, полезли в воду. Ноги сразу заскользили в мягком до отвращения иле. Лёшка запнулся за корягу, упал, ударился головой о другую корягу. Вылезли.

– Показываю джиу-джитсу! – объявил голый Глеб и подсёк Филю. Филя ойкнул.

– Ты что, сдурел? – спросил обиженно.

Луну затянуло. В темноте Лёшка ощупью стал искать одежду.

– Мою рубашку никто не видел?

Оказалось, что никто. Трусы тоже не нашлись. Лёшка натянул брюки на голое тело.

– Некогда, некогда! – заторопил Глеб.

Опять забор.

– Всем оставаться и ждать! – сурово скомандовал Глеб.

Перемахнул через забор. Они остановились. Подул свежий ветер, с ним быстро похолодало. Лёшка засунул руки под мышки, прижался спиной к дереву. Филя попытался закурить, стал чиркать спичками. Со злостью отшвырнул:

– А, чёрт, всё размокло!

Наконец появился Глеб, прижимая к груди что-то вырывающееся. Лёшка сунулся – короткая тёплая шерстка, длинные уши, влажный нос.

– Отпусти ты его...

– Не трожь! Это трофей!

Лёшка пожал плечами.

По дороге обратно пару раз хорошо заплутали, но всё-таки выбрались. Подошли к обществу – окно закрыто, свет потушен, простыни нет. Постучали в дверь.

– Кого это там несёт?

– Нас! – собачий голосок Филя.

Поднялись, попадали спать.

Вжик, вжик, вжик... Какой-то странный звук сквозь сон.

Лёшка медленно открыл глаза. Вжик, вжик... У батареи валялась захватанная скрученная простыня. Светло, ясно, солнечный зайчик дрожал в сброшенной вниз чайной ложечке. Лёшка приподнялся – Павел нож точит. Да, точит. А на столе лежит связанный за передние и задние лапы серенький маленький кролик.

– Хорошо спишь, Лёха! Уже четыре, – Глеб подмигнул. – Сейчас жаркое из кролика готовить будем.

– Знатное получится! – довольно причмокнул Филя. У него вдруг ясно обозначились полные красные губы.

Лёшка встал. Поморщился и посмотрел на ногу – расплосовал-таки. Откинул с дороги тапочки, пошёл босиком – пол от солнечных лучей нагрелся, приятно.

– Паша, дай нож...

– Зачем? – Павел, не обращая внимания, сосредоточенно точил.

– Проверю...

– Острый, острый...

– Дай, я сказал! – неожиданно рывкнул Лёшка.

Павел удивлённо посмотрел:

– Ты смотри, у нашего теляти голос прорезался... Ну на, на...

Глеб и Филя внимательно смотрели. Лёшка взял нож, покачал в руке и резанул стягивающие кролика верёвки. Кролик дёрнулся, прыгнул.

– Держи его! – закричал Филя.

Павел бросился, но кролик успел первым – сделал круг по комнате, проскочил в полуоткрытую дверь и исчез. Филя выбежал за ним.

– Это что значит? – зловеще спросил Павел.

Лёшка бросил нож на стол.

– Можешь забрать. Кстати, ты вообще ни при чём. Ты с нами не ходил.

– Ну и что?

Лёшка открыл рот, собираясь возразить. Но тут вернулся разозлённый Филя и, ни слова ни говоря, набросился на Лёшку. Они упали, покатались по полу.

– Хватит, хватит! – Глеб разнял. – Тоже мне, бойцы! – и вдруг заразительно рассмеялся: – Надо же, защитник кролика!

– Я тебе ещё припомню! – пригрозил Павел.

Лёшка безразлично пожал плечами.

– Ну, защитничек, раз оставил без мяса, иди картошку чисти! – как всегда верно, решил Глеб. Полез под кровать к себе в сумку. – Оп-па! Фокус! – достал бутылку.

– Ух ты! – у Фили сразу повысилось настроение. – Живём!

В дверь постучали.

– Открыто! – крикнул Павел.

В проёме стояли девушки.

– Какая радость! – подпрыгнул Филя. – Проходите, гостюшки, садитесь!

Глеб схватил гитару:

А у лисицы морда острая,
Она не может целовать!
Её по морде били чайником,
Её по морде били чайником!
И научили целовать!

Девушки одобрительно рассмеялись.

– Паша.

– Лариса, Катерина.

– Глеб, Филя.

– Света, Варя.

– Лёша.

– О, что сегодня будет... – расстелился Филя.

– И что? – улыбнулась краешком брезгливого накрашенного рта Катерина.

– А угадайте? – сладким голосом.
– А ху-ху не хо-хо? – осведомилась рослая, даже выше Глеба, девица, кажется, Варя.
– Сигаретку? – Павел, как обычно, вытащил её из воздуха и, улыбаясь, предложил стройненькой, оторопевшей от неожиданности Свете.
– А это что за молодой человек? Молчит и молчит? – напевно спросила приземистая и с сильно подведёнными глазами Лариса. Стрельнула глазами в Лёшкину сторону.
– Стеснительный он...
– Стеснительный? Ах, как интересно...
Варя засмеялась басом.
Глеб взял несколько аккордов:
– Принимаю заказы. Что спеть, девочки?
– Про любовь... – кокетливо сказала Света.
Глеб пригладил усы, начал мужественным голосом:

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я не молод, не красив,
От любви и счастья млеешь,
Мне на плечи руки опустив!

Варя судорожно вздохнула, Филя с завистью посмотрел на Глеба.
– Что расселся? Иди картошку чисти! – напомнил Павел. – Девочки, сейчас будем ужинать! – тут же ласково обратился к гостям.
Лёшка поднялся.
– Зачем это вы Лёшеньку гоняете? – нахмурила бровки Света.
– Его загоняешь...
Лёшка подхватил картошку, вышел на кухню. Сел на подоконник и принялся чистить, прислушиваясь к шуму из комнаты. Хлопнула дверь, появилась Лариса.
– А вот и я! – хихикнула.
Поглядывая на него, достала сигарету. Протянула:
– Куришь?
– Не-а.
– Ка-кой мальчик... – сказала с расстановкой.
Лёшка покраснел.
– Ну не красней, не красней!
Лариса обстоятельно докурила и, подойдя очень близко, потянулась выкинуть сигарету в форточку.
– Ой! – не удержала равновесие, коснулась грудью. Лёшку бросило в жар. Лариса медленно, очень медленно и, как показалось Лёшке, неохотно отстранилась.
– Ну ладно, ладно. Пошла я.
Вернулась в комнату и оттуда немедленно раздался взрыв смеха. У Лёшки дрогнула рука, он чуть было не порезался.
– А-а, чёрт!
В каком-то смятении бросил нож и ходил из угла в угол. Потом подскочил, резкими, быстрыми движениями начал стругать почищенный картофель. Открыл газ, масло на сковороде зашипело, начало брызгаться. Заглянул Павел:
– Ты скоро?
– Скоро.

Когда он внёс картошку, пир уже шёл. Глеб явно не поскупился – тут был и шпротный паштет, и банка морских водорослей, и килька в собственном соку, и повседневная баклажанная икра. Над съестными припасами гордо возвышалась бутылка вина, две пива и водка.

– Откуда? – мимолётно удивился Лёшка.

– Ну наконец! – крикнул Глеб. – Давай сюда! – начал освобождать место для сковородки.

Вино и водка были уже ополовинены, на лицах девушек горел румянец. Павел обнимал свою Свету, она томно отбивалась, Филя увивался сразу за Катериной и за Ларисой, рослая, с огромной грудью, Варя сидела рядом с Глебом.

– Мой жених пришёл! – рассмеялась Лариса. – Да отстань ты! – крикнула на Филю.

– Закусочка!

– Подняли, девочки, подняли!

– А за что?

– Как говорил поручик Ржевский – за баб-с!

– Ребята, а где вы работаете?

– По субботам, по субботам мы не ходим на работу, а суббота у нас каждый день!

– Приезжает муж из отпуска, а дома жена с любовником...

– Ха-ха...

– А он и говорит...

– Картишки?

– Давайте на раздевание?

– Вот, Филя, и раздевайся!

– А Лёша наш всё молчит и молчит.

– Он ещё мальчик.

– Ничего и не мальчик!

– Ой, какой...

– Филя, убери лапы!

Катерина тяжёлой рукой так треснула Филю, что он едва не свалился. Прощемила:

– Ещё раз полезешь – убью.

– Та-ак! – Глеб в руках повертел пустую бутылку. – И пиво ёк?

– Я принесу! – вскочила Лариса. – У нас есть!

Остаток вечера для Лёшки прошёл как в тумане. Павел со Светой целовались, Глеб терзал гитару, Филя плясал, что-то бухала Варя, его самого обнимали, шептали в ухо, он кивал. Потом Лёшку повели тёмным коридором, лестницей, опять коридором. Они оказались в комнате. В окно светила луна, скрипела кровать, женщина порывисто дышала, сладко двигалось её вёрткое сильное тело, мешались волосы. Вдруг из коридора открылась дверь, вбросив внутрь кипящую дорожку света. В проёме стояла Лариса.

– Ну ты и блядь!

– Да? – с издёвкой отозвались рядом с Лёшкой. – А нечего было щёлкать!

Катерина поднялась над ним, не спеша убрала волосы назад. Качнулись её полные белые груди с крупными коричневыми сосками.

– Блядь! – взвизгнула Лариса.

– Отсоси, дура! Сама блядь!

Лариса молча бросилась вперёд, Катерину вынесло из кровати, и они сцепились.

– Эй, эй! – забормотал Лёшка. Встал, попытался разнять.

– Да пошёл ты!

Катерина в запале наотмашь хлестанула его по физиономии, оставив отметину длинным ногтем. Лёшка отшатнулся и оторопел, у него перехватило дыхание. Опыянение прошло, будто и не было. Начал торопливо одеваться и ещё полуодетый, путаясь в штанинах, выскочил из

комнаты. Жгучая обида на свою первую женщину жгла сердце. Лёшка бросился вниз, выбежал наружу. От чувств предательски щипало в носу и как-то незнакомо теснило сердце.

– Вот сволочь! – вытолкнулись слова.

Вытолкнулись хрипло, неудобно проворачиваясь булыжниками и царапая горло. Лёшка откашлялся и сказал ещё упрямее и злее:

– Блядь такая! – дёрнул себя за волосы и закрутился на месте. – Ну я и дурак! Смешно! Просто смешно! Ведь ей же всё равно с кем!

«А мне?»

Внутренне возмущившись оскорбительным для себя вопросом, он в растерянности сел на тёплый тротуар и, оглянувшись, начал наблюдать, как неподалёку в траве светил и медленно полз светлячок. А вот ещё один и ещё. И Лёшка неожиданно представил, будто он сам, как светлячок, бродит по миру с фонариком, только этот фонарик у него не снаружи, а внутри, качается себе в такт шагам, иногда почти затухает, а иногда разгорается так ярко, что становится мучительно трудно просто жить – покупать продукты, ездить, вежливо здороваться, спать, разговаривать. Помимо воли он вспомнил, как в свете луны с лица только что бывшей с ним женщины исчезло озлобление, разгладилась гримаса тонких, циничных губ и проступило трогательное и доверчивое начало.

– Шлюха...

Почувствовал неловкость:

– Тоже мне, обвинитель.

Обхватил руками колени. Вдохнул:

– Поздравляю. Вот тебе твой первый раз. Хотел – получил.

И вдруг ощутил гордость:

«Всё-таки было. Наконец было. Спасибо... Цапнула, конечно! – осторожно потрогал царاپину. – Но спасибо. А дальше – дальше у меня всё будет иначе. Я буду любить, меня будут любить.

Неожиданно вспомнил Валька: «В овощном всё иначе...»

И испугался:

– Нет, не так! Всё иначе, всё действительно будет иначе!

Поднял глаза – за огородами, за палисадниками, за крышами, за волнами деревьев, за рекой Шексной занималось утро.

Белая пряная Польша

Всегда так: или ты благородная, чинно-умная собака и, не отличаясь от других, между тёплых батарей нежно облизываешь языком собственный зад, или сердце твоё, не давая покоя, гонит тебя в безумие, любовь и неизвестность.

А сейчас я попрошу: о, Господи! Дай мне безумие – хоть на час, хоть на год, дай мне шанс, Господи, а то я уже всё забыл.

Это был обычный туристический автобус с умными, хитрыми бабами и мужиками, которых потом назовут точно и просто – челноки. Он отходил в семь утра от известного всем в городе универсама и шёл в зимнюю, белую Польшу, готовящуюся к Рождеству. В программе были Люблин, Освенцим, базар, магазины. И «усиленный ужин» на второй вечер – так значилось в программе путешествия. Настроение у людей было приподнятое, шофёр мурлыкал музыку, в салоне пахло съестным, и забитый вещами автобус катил-катил себе вперёд без остановок.

Пока не подошла земля другая – Польша.

И вот совсем уже была ночь, когда автобус свернул наконец с шоссе и остановился у светящейся огоньками гостиницы, на крыше которой красовался застывший перед прыжком олень. В холле горел неяркий свет, освещавший стойку и огромных размеров картину, на которой пышная нагая женщина, забыв себя, куда-то мчалась меж красных облаков на красном же бешеном быке. Алексей, в отличие от всех ехавший в первый раз и первый раз оказавшийся в такого рода незнакомом фешенебельном месте, получив ключи, открыл свою комнату и застыл заворожённый: в комнате с мягким, приглушённо-коричневым убранством во всю стену протянулось окно. Шторы были раздвинуты, и в окне, в тишине, в обнимку с идущим откуда-то светом медленно падал снег. Сердце ёкнуло, он сел на пол, наткнулся рукой на радио, встроенное в тумбочку, включил, выключил и под музыку тишины смотрел и смотрел на снег.

Утро наступило в один миг, и утром дали лёгкий завтрак и повезли на запланированную экскурсию в кажущийся пустым старинный город. В этом городе, как сказала, заметив его чёрную шевелюру, экскурсовод, раньше жили евреи.

А ужин был очень весёлый. Мужчины и женщины из автобуса сидели за столами, пили обещанное усиление – водку и рассказывали друг другу анекдоты, тонувшие во взрывах хохота. Между делом, в процессе общения, они непринуждённо разбивались на пары, чтобы ночью не было уж очень скучно после тяжёлых трудовых будней.

Алексей, оторвавшись, вышел покурить в холл и принялся рассматривать картину, на которую ещё вчера обратил внимание.

– Нравится? – кто-то его спросил.

Он обернулся: позади стоял поляк и пошатывался.

– Нравится, – ответил с вызовом.

– Что?

– Бык.

– Мою любимую картину, пся крев! – запальчиво сказал поляк. И вдруг рассмеялся: – Анджей, меня зовут Анджей, а тебя?

– Алексей.

– С автобуса?

– Да

– Ладно, хорошо, ну что, пошли?

– То есть как пошли? Куда? – Алексей не понял.

– Как куда? Ко мне домой. Да это тут рядом. Не бойся...

И неожиданно для себя Алексей кивнул головой:

– Пошли.

Всё, что было дальше, он запомнил очень плохо. Единственное – что, разгулявшись, дал бесплатный концерт, спев все песни, которые знал. А когда кончилась водка, вызвался её искать, нашёл и главное – сумел вернуться обратно. Тут его взяли за руку и увели. Очнулся Алексей в комнате, где мирно тикали часы, а в правом верхнем углу висел портрет Папы в золоченой рамке. Женщина расстегнула кофту и потянула его на себя, в живое, подвижное тепло.

Вообще в этой стране, несмотря на обилие джинсов, было не совсем благополучно. Потому что женщине пришлось встать в пять часов утра, чтобы занять очередь за молоком для ребёнка. Алексей тоже встал, поглядывая на укоризненный портрет Папы, оделся и пошёл вместе с ней к продрогшей короткой цепочке женщин у закрытого магазина. Когда вернулись, дверь открыла девушка во всём цветастом, как бы цыганском, тоненькая, гибкая, с серьёзными, внимательными глазами. Женщина, увидев взгляд, покорно вздохнула и представила:

– Моя сестра Данута. Она только что вернулась из Австралии.

Девушка молча стояла в дверях, потом, видно, что-то решив для себя, отошла в сторону:

– Прошу пана... Заходите...

Они накормили его завтраком, а потом ушли на работу. Алексей, опоздав на свой деловой автобус, отправился отсыпаться в гостиницу, а затем бесцельно слонялся по маленькому, в кружении зимы, городку, где люди жили так же, как и в его родном городе, но всё-таки чуть иначе. Он пытался поймать эти ускользающие черты. Смотрел, как одеты люди, какие фильмы показывает местный кинотеатр, как продают цветы, заворачивая их в блестящую фольгу и украшая букет разноцветными ленточками. Как надменно смотрятся в зеркала, улыбаясь только себе, женщины с новыми причёсками, видные сквозь витрины парикмахерских... Пока не наступил вечер, и он опять не пришёл к той двери и не позвонил. И ему опять открыли.

Два-три незначущих слова, торопливый ужин, и вот втроём они сидят рядом на диване. По телевизору какой-то политический фильм про их новых руководителей. Потом ещё фильм, где голые актёры обнимали друг друга. Старшая сестра пошла спать в свою комнату. А младшая вдруг резко поднялась, напряжённая, как струна.

– Мы сейчас пойдём в костёл, – сказала раздельно, тщательно выговаривая слова.

– В костёл?

– Да.

– Хорошо, в костёл так в костёл... – турист ничего не понимал.

Сумрачный, поднявший крылья костёл был открыт и ночью. Девушка встала на колени перед дево́й Марией. Шептала что-то вполголоса, шептала... Он смотрел на неё издали, и её горячий шёпот постепенно начал упруго заполнять весь величественный, пустой, принадлежащий только ей зал и подниматься вверх, изнемогая от веры. Алексей выскочил во внутренний двор и в полосах света, гонимого ветром, стоял один на один с переменчивыми ликами святых, отворачивающихся от него.

Она вышла успокоенная, притихшая, но позже, дома, в сладкой постели, неистово отдавалась, и стоны её напомнили ему, этому всё помнящему быдлу, шёпот костёла.

А утром было пиво. Пиво было теперь всегда, когда она уходила на работу. Он приходил в местный бар, платил, и продавщица с постоянной сигаретой в крашенных красным губах, улыбаясь, протягивала кружку, зная, что это только начало. Польский он не знал, но, удивительное дело, по мере опьянения, заполнения себя холодным, тяжело-соломенным пивом он начинал всё более и более понимать соседние разговоры и даже вступал в них, говорил... Его хлопали по плечу, и вот он уже внутри, и день проходит, темнея, и скоро вернётся его девушка, и сладостный ток ожидания пробирает тело.

На базар он так и не поехал. И в Освенцим тоже. На базар – потому что не было денег. А в Освенцим – потому что не хотел портить себе настроение. Да и какой Освенцим, когда член

стоит и оказалось, что есть куда его пристроить. А в голове при этом нежнейшая, сладостная муть. Вообще коллеги по автобусу, озабоченные куплей-продажей, больше его не видели.

В последний перед отъездом вечер Данута пригласила его в ресторан. Он пошёл, но пошёл с ужасом, боясь, что не хватит расплатиться. Вместе с ними были друзья Дануты – светленькая, с подвижным смешливым лицом её подруга и жених при ней, молчаливый парень с шахты. Лёгкое вино, закуска, светлый просторный зал. Вдруг из-за соседнего столика кто-то встал с шумом, опрокинув стул.

– Эй ты, рыло свиное, коммунист! Мало натерпелись из-за вас! Ну куда ни придёшь – всюду они! Загадили всё, на базар иди, вон отсюда!

Алексей напрягся, но почувствовал на плече лёгкую, успокаивающую ладонь Дануты. Его девушка быстро шагнула навстречу буяну и, остановившись перед ним, начала быстро, вполголоса говорить, а тот, растеряв пыл, угрюмо молчал.

Денег с Алексея не взяли. Когда он полез в карман, Данута покачала головой:

– Ты наш гость. Не надо.

– Но я же не могу совсем не платить, – возразил Алексей, – хоть что-нибудь возьми...

– Ну хорошо, – вздохнула, – вот приедешь домой, – задумалась на секунду, – и пришли халвы.

Утром он собрался уходить, но она не пошла провожать. Сидела, нахохлившись, в постели. А когда Алексей, не решаясь выйти, начал топтаться в дверях, тихо сказала:

– Я буду скучать. Как выйдешь, хлопни дверь посильней...

Ну что, обратный путь был быстрее. Нагруженные ленивые коробейники набирались сил перед таможей. И он, не пришей рукав, болтался между ними. Выйдя около универсама, поехал на троллейбусике домой. И в первую же неделю отправил в Польшу посылку, набитую вкусной подсолнечной, аккуратно завернутой в бумагу с цветочками халвой.

Да, Господи, конечно. Всё правильно. Закончим всё халвой.

Ошибка

В маленьком книжном магазине, что на улице Яффо, Алексей, стоя, во все глаза разглядывал картинки в толстой книге «Хиромантия», сравнивал их со своей ладонью и пытался угадать судьбу. Но картинки с реальностью не совпали, и о себе он ничего и не узнал. Книга осталась на месте, и через замусоренный коридор с лестницей Алексей спустился вниз, в солнечную теплынь полуденной улицы, и с толпой втянулся в недра иерусалимского базара с его гортанно кричащими продавцами и несмолкаемой восточной музыкой. Время было пятница, и перед наступлением шаббата он покупал продукты, складывая их в потрёпанный рюкзак из джинсовой ткани, который всегда носил с собой. Потом направился к остановке, сел в автобус и по старой привычке немедленно устался в окно. Автобус тронулся с места и начал пробираться по узкой, наполненной машинами дороге.

Приехав домой, Алексей принялся распаковывать рюкзак. Зазвонил телефон, и хозяйка крикнула:

– Тебя!

Взяв трубку, он услышал голос Игоря.

– Что делаешь? – спросил Игорь.

– Что делаю? Дома сижу, только с базара пришёл.

– Тогда собирайся гулять. Я попозже заеду за тобой, ладно?

Приехал Игорь, когда уже совсем стемнело. Кроме толстого Игоря в машине сидела молодая, незнакомая Алексею пара.

– Всем привет! – сказал им Алексей и полез на переднее сиденье.

С Игорем они когда-то вместе работали и с тех пор дружили. Иногда Игорь, обременённый родственниками, детьми, родителями, вырывался к нему поговорить по душам, и в грязноватой комнате с облупившейся штукатуркой становилось веселее. По дороге, ведя машину, он сказал:

– Белла и Эдик собираются покупать квартиру в Неве-Якове, хотят посмотреть, я и подумал, возьму-ка я тебя с собой. Ребята будут бегать, а мы посидим, поболтаем.

– Правильно подумал, – согласился Алексей и стал смотреть на дорогу.

На обратном пути, выйдя на шоссе, Игорь развил хорошую скорость, и ехать было приятно. Тут что-то щёлкнуло, и машина вильнула. Алексей в первый момент ничего не понял, лишь ошарашенно посмотрел на задыхающегося, как-то странно нагнувшегося вперёд, с открытым ртом, друга. И лишь потом увидел дыру в лобовом стекле.

Остановившись у края дороги, Игорь открыл дверь и с трудом выговорил:

– Вот и мы... поучаствовали в интифаде...

Медленно, держась за грудь, вышел из машины. На сиденье остались стёкла и хорошего веса булыжник, скинутый с колен Игоря. Алексей, убедившись, что с другом ничего серьёзного не случилось, перепрыгнул ограждение и бросился вверх по горе, туда, откуда кидали камни. Но на вершине никого уже не было, только стояли, мирно светясь открытыми окнами, приземистые арабские дома. Вид с горы открывался прекрасный, и хорошо просматривалась дорога сдвигающимися по ней автомобилями с зажжёнными фарами. Когда он спустился, Игорь стоял и тёр глаза:

– Что-то попало, – сказал.

– Нельзя, – схватил друга за руку Алексей, и в это время подъехала полиция. Полицейский вышел из машины и подошёл к ним:

– Камень? – спросил.

– Камень.

– Этот? – показал на сиденье.

– Этот.

Он взял камень, покачав на руке, взвесил и выкинул за бордюр.

– Езжай в больницу, можешь?

– Могу, – ответил Игорь.

– Вот и езжай, а завтра к нам, напишешь, как было.

– И всё? – спросил Алексей.

– А что ты ещё хочешь?

– Да нет, ничего.

Они сели в машину и медленно поехали в больницу.

Больница, куда они добрались, была религиозной и носила безумное название «Ворота справедливости». Медбрат записал, что случилось, и Игоря отправили на консультации. Чуть позже прибыли его встревоженные родственники, а совсем под утро Алексей на такси поехал домой. Чтобы не разбудить хозяйку, зашёл очень тихо, лёг в кровать, но спать не хотелось. Тогда он взял ручку, чистый лист бумаги и, устроившись поудобнее, занялся любимым делом – начал писать рассказ. Но написав первую строчку: «В маленьком книжном магазине на улице Яффо Алексей, стоя, во все глаза разглядывал картинки в толстой книге “Хиромантия” и пытался угадать судьбу...» – задумался. И задумался надолго.

Рассказы Алексей писал чисто для своего удовольствия. А вот деньги, чтобы существовать, зарабатывал, собирая на продажу компьютеры в задней комнате одного магазинчика. Магазинчик этот располагался в большом, усевшемся между базаром и улицей Кинг Джордж торговом центре, ежедневно пропускавшем через себя массу народа. Там они и познакомились с Юлей, когда Алексей, оторвавшись от дел, вышел покурить. Встретился с её смеющимися глазами и, повинуясь внезапному порыву, спросил:

– Извини, а как тебя зовут?

– Юля.

– Ты сильно спешишь?

– Работа ждёт.

– Так оставь телефон?

– Ладно. Звони, поболтаем.

И пошла к лифту, неся в руках какие-то бумаги.

Позвонил он на следующий день:

– Это я, Алексей, мы вчера познакомились, если помнишь...

– Конечно, помню! Алексей, у меня где-то в четыре будет свободное время, приходи...

– А куда?

– На шестой.

В четыре он поднялся к ней. Комната оказалась чистая, весёлая, с компьютерами и открытым окном.

– Привет, – рассеянно сказала Юля, нагнувшись к столу и что-то исправляя в длинных, исписанных красным таблицах, – все ушли, а я ещё сижу, правда, мне платят за это. Подожди немножко, я сейчас закончу.

– Хорошо.

Алексей прошёл мимо ряда покинутых стульев, скользнул взглядом по фотографиям, разноцветным календарям, подошёл к окну и чуть высунул голову: за окном кружилось лето.

– Ну, я всё, – услышал голос за спиной. – Ты что будешь? Чай? Кофе?

– Кофе.

Юля включила чайник, села на высокий вертящийся стул и привычным движением встряхнула своими лёгкими золотистыми волосами.

– Ой, подстричься надо, – сказала.

Вечером Алексей поехал на английский, за курс которого выложил в своё время столько денег, а на следующий день опять зашёл к Юле. Ему налили чай, а в середине разговора он вдруг ляпнул:

– Ты знаешь, я пишу рассказы... – и замолчал, ожидая реакции.

– Да ну? – удивилась Юля. – Печатаешься?

– Немножко, – ответил с запинкой. И пытаюсь скрыть неловкость, пошутил: – Это моя манера ухаживать – преподносить себя так.

– Ну раз такая манера, – Юля весело посмотрела, – то дай почитать! Без этого нельзя. А про что пишешь?

– Разное.... Есть и про любовь.

– Про любовь? Стеклянные цветы похожи на тебя, похожи на тебя-а... – Юля начала петь и кружиться по комнате. – Помнишь?

– Помню. Знаешь, я сейчас хочу написать сказку. Сказку об одном человеке. Как только этот человек делает что-то неправильное – это сразу отражается у него внешне. Понимаешь? Люди лгут, совершают подлости – и ходят, как ходили. Но так нельзя – всё должно быть видно. Сделал гадость – и захромал на левую ногу, ещё гадость – зашепелявил. Как тебе?

– А почему на левую ногу?

– Можно и на правую, можно – присвистывая левым зубом. Так, в голову пришло, – Алексей пожал плечами.

– Интересно... Слу-ушай! – Юля посмотрела на часы и вскочила с места. – Мне ведь давно пора идти. Закрываемся – и вперёд!

– Я провожу?

– Нет, Лёша, спасибо. Я уже бегу, мне ещё с родителями надо встретиться. Ну пока... Пока!

Встреча закончилась, и Алексей решил пойти в гости к Семёну. Семён был врачом в России и врачом здесь. Открыв дверь, он изумился:

– Лёха! Ты вовремя! Чуешь что ли?

– Да на остановке объявление висело – вечеринка, мол, и прочее... – отшутился Алексей и быстренько сел с остальными. – А что вообще отмечаем?

– Ещё один день нашей пропащей жизни здесь, – рассмеялся Семён.

За столом шумно говорили, много пили, вкусно закусывали, просидели до одиннадцати. Ночью, уже лёжа в кровати, Алексей вспомнил золотые волосы Юли, да так и заснул с мыслью, что завтра опять её увидит. Но завтра Юли не было на работе, и послезавтра Юли не было на работе. Встреча состоялась лишь через неделю.

– Представляешь – звонок! – сказала загоровшая, с блестящими глазами Юля. – Друзья говорят: «Мы тебя забираем и слушать ничего не хотим». Хорошо, что у меня с начальством всё нормально, договорилась – и вперёд! Какое же море в Эйлате, никакого сравнения с Тель-Авивом, с ума сойти! Так в кайф пошло. А как у тебя? Где был? Что видел? Что делал?

– Жил, – Алексей пожал плечами. – Английский учу. Хорошо, но не Эйлат. На работу хожу – нормально, но не Эйлат.

– Эйлат – прелесть, – сказала Юля. И искоса посмотрела на него. – А как твои рассказы, принёс?

– Принёс, – Алексей улыбнулся. – Понравятся тебе или нет, но принёс...

Юля начала читать, стоя у окна и чуть прищурившись от яркого солнца.

– Ничего, – сказала, вернув, – ничего.

Алексей забрал листы.

– Ладно, – буркнул, – ладно. Послушай, давай сходим куда-нибудь. Встретимся вечером?

– Я даже не знаю, – Юля посмотрела извиняющимся взглядом. – Так сейчас занята, но мы сходим, обязательно сходим. Я кино люблю смотреть, особенно если что-то такое романтическое. А ты?

Но ни в кино, ни в какое-то другое место они не пошли – Юля действительно была очень занята. Они встречались только на работе. Алексей уже всё понял, но звонить не переставал... В очередной раз сделал попытку:

– Юля, что хотел... Есть хороший фильм. Пойдёшь?

– В каком кинотеатре?

Алексей назвал.

– Конечно, пойду, – Юля улыбнулась. – Когда встречаемся?

– В пять?

– Конечно.

Алексей купил билеты, но в пять Юля не пришла. Тогда он их выкинул и начал слоняться по улицам, пока не зашёл в русское кафе, где начал, насыпая серую соль на край бокала, медленно пить холодное пиво. Рядом сидела компания грузин, и один всё кричал:

– Ты мне говоришь, да! Ты мне говоришь! Кандашвили – вот это был человек! Всю Грузию купить мог! Весь Израиль!

Допив пиво, Алексей зачем-то пошёл на концерт очередных русских гастролёров – ему всегда везло на лишний билетик. Как выиграть в лотерею или ещё что-то – так нет. А вот лишний билетик – пожалуйста.

Но выдержал на представлении только минут пятнадцать.

А в четверг к нему приехал Игорь:

– Привет, оболтус, собирайся!

С Игорем всегда так: то нету, нету, то появится – и бегом: ехать, пить, говорить. Авария на него нисколько не повлияла, разве что с работы выперли, пока был на больничном, – прислали письмо с извинениями и хорошими пожеланиями.

– Нет так нет, – сказал Игорь по этому поводу. – Жалеть не будем.

– Так ты собираешься? – повторил он, прошёлся по комнате и зачем-то заглянул в шкаф.

– Собираюсь, но куда?

– Знакомиться.

– С кем? – удивился Алексей.

– А тебе не всё равно? Тебя что, жениться заставляют?

– Да вроде нет.

– Ну вот, сам и увидишь. Есть одна – две руки, две ноги. Ничего не сломано. Ну, ты всё?

– Всё.

Приехали они к Игорю домой. Стол уже был накрыт, и около Алексея оказалась небольшого роста девушка с чёрными глазами. Звали её Анжела. Она сбоку всё посматривала на него, посматривала. А Алексей всё ел, ел. И сам подливал себе водку. Кроме питья и еды разговаривали разговоры – обсуждали банковские ссуды, сравнивали Израиль с Америкой и вспоминали Россию – как там, что там. Алексей поднялся и, извинившись, сказал:

– Пора идти.

Анжела тоже встала, они вышли вместе.

– Ты работаешь? – спросил Алексей.

– Пока на курсах, – как-то робко проговорила Анжела и посмотрела на него снизу вверх.

– Ты извини, – Алексей потёр рукой подбородок, – я тебя проводить не смогу – уже поздно, а тебе аж в Неве-Яков.

– Ничего-ничего, – быстро сказала Анжела.

Она села в автобус, и Алексей помахал рукой, увидев, что девушка через стекло всё ещё смотрит на него, медленно поворачивая голову.

С тех пор прошёл примерно месяц. Жизнь текла ровно, спокойно. Алексей ходил на работу – работать, в русское кафе – пить пиво, в литературный кружок – читать рассказы. И слава богу.

Игорь не звонил – пропал опять, а Семён вообще никогда не звонил, это Алексей звонил ему. И вдруг встретил Юлю. Увидел, как, спускаясь по лестнице, она смотрит, и кивнул:

– Привет.

– У меня такие неприятности, – тихо сказала Юля, – такие неприятности...

– Что случилось?

Не ответив, Юля махнула рукой:

– А как у тебя?

Алексей пожал плечами:

– Да и сказать особо нечего – по-разному.

В обед она позвонила. А потом зашла.

– Может, пройдемся после работы?

Алексей изумлённо посмотрел.

Они пошли в кино, потом направились есть какое-то красивое мороженое.

– Всё хотела сказать тебе, – Юля облизнула ложечку, – ты так хорошо пишешь, в том рассказе мне одно место понравилось – никак не могу забыть.

Алексей улыбнулся – ему стало приятно. Немного погодя он доел своё мороженое и пожаловался:

– Изучал хиромантию, смотрел на руку, сравнивал... Одной линии не хватает. Вот только не пойму какой? Ума или сердца?

– А ну, а ну, – заинтересовалась Юля, – покажи!

Алексей протянул ладонь.

– И действительно, – тихонько сказала, – вот чудеса бывают... Только мне, Лёша, домой пора, уже поздно.

– Я провожу?

– Конечно.

Около дома Юля спросила:

– Зайдёшь?

– У тебя родители, неудобно как-то...

– Родители в Ашкелоне.

Алексей зашёл, выпил кофе, посмотрел семейный альбом, а когда хотел уходить, обнял и поцеловал в сухие губы.

А под утро, белесое мутное утро, не вовремя проснувшись, услышал, как она плачет. Тихо плачет, шмыгая носом и отвернувшись. Алексей встал, оделся, вышел и, осторожно закрыв за собой дверь, стал спускаться вниз по ступенькам этого молчащего дома.

Чуть приволакивая левую ногу.

Отчего. Так. Тает. Сердце

Он встречался с ней поздно вечером, чтобы не видеть ее лица. Целовал, потом трогал слабые груди, и она защищалась понарошку.

– Не приставай, – угрожала, – а то я тебе пощёчину дам...

Пара садилась, и девушка, осторожно вытягиваясь на скамейке, клала свою голову мужчине на колени. Тут небо начинало сыпать звезды вниз, затихали шаги прохожих, и вся сегодняшняя ночь собиралась в ее глаза.

– Вот, хочу выучить английский, – вдруг говорил он.

– И я.

– Люблю читать Булгакова.

– И я.

– А что ты делаешь? – спрашивал он.

– Работаю. Иногда до девяти часов сидим. Я раньше в магазине работала, потом эта мастерская открылась.

– Хоть сверхурочные платят?

– Платят. Но так устаю.

– Ты была замужем?

– Была.

– Разошлась?

– Разошлась.

– А почему?

– Не тот человек.

Он опять трогал груди, а она, позволив, просила:

– Давай поговорим, ну давай... Неужели только это?

Нет. Не только это. Утром, пряча догорающий взгляд, он отвозил ее домой, в машине договаривался о встрече, и она, принимая за правду, важно думала – когда.

В промёрзшем переполненном автобусе, беспомощными тоненькими ладонями-стёклами закрывшемся от холода распаханной зимы, пацан с худым, смурным лицом стоял, тесно прижимаясь сзади к одной с очень мягким округлым под хлипким пальто, и при скользящих по вечной гололедице поворотах ещё больше наваливался, прилипая. Но вот на одной из остановок она резко повернулась и, посмотрев неожиданно смеющимися, приглашающими глазами, шагнула, прорвавшись сквозь шубы, наружу, в темноту и вьюгу зимы, и опять посмотрела: ну же!

Но он трусливо закрылся, и двери закрылись. Женщина, оставшись, махнула вслед.

Потом дома, на Лиговке, где собственная тень черным демоном металась по жёлтым с пятнами обоям, пацан катался, обезумев от ненависти к себе, по полу, пока, подобрав нож, не резанул руку, чтобы остановиться. Остановился. И замотав тряпкой кровь, побежал в больницу, именно в ту, в которой, так случилось, через пару лет и сам сподобился работать. Там, сидя под ярким безжалостным светом в манипуляционной, впервые вдруг почувствовал, что такое и как болит сердце.

А утром падал снег, просто падал. И боль в перебинтованной руке начала проходить.

В комнате, где окна узкими длинными проемами тянулись к потолку и остатки лепки пригнули вниз перегородки коммуналки, под тихую музыку сидела и обнималась пара.

– Ах, ах, – вздыхала девушка. – Знаешь, – неожиданно сказала упавшим голосом, – а ведь я буду потом себя презирать.

– Презирать? – он нерешительно посмотрел на нее и отодвинулся.

По комнате бродили синие сумраки, и вдруг стало слышно, как у остановившегося внизу за окном трамвая открылись двери.

Девушка, чуть помедлив, надела кофточку.

– Катя, вот хотел спросить: а как тебе эта музыка?

– Хорошая.

– А импрессионисты тебе нравятся?

– Нравятся.

– А...

– Не надо. Извини, ладно? Я... я, пожалуй, пойду.

Так что вот такой я. Толстый, лысый, в очках. Ничего не понимающий. Влюбился недавно в женщину с карими глазами, которая заглядывала ко мне в гости от скуки. Ходил на цыпочках. Разводил джентльменство. А она искала мужа. Всё спрашивала меня:

– Почему тебе не сделать докторскую? Ты же умный, сможешь. Ну пойдешь, сделай докторскую...

– Не хочу.

– Почему?

– У меня есть дело.

– Какое?

– Я пишу.

Она непонимающе пожимала плечами:

– Что ж, пиши...

Вот прекрасно понимал, что не моё. А – тянуло. Ничего не мог поделать. Чуть не в домашнего пса превратился при ней.

А она уже настолько привыкла, что в один день, окончательно обнаглел, спросила:

– Вот скажи, Алексей, когда мужик не кончает в тебя, можно заразиться СПИДом?

– Любимая, – ответил, – это же как поцелуй...

Потом наступил период, долгий период, когда мы не виделись, и одна знакомая, с которой у меня отношения были намного яснее, передала:

– Видела Наташу...

– Ну и что?

– Она вышла замуж.

– Ну и что?

– Ждёт ребёнка.

– Ну и что?

– Неужели тебя ничего не волнует?

Я встретил Наташу на концерте Окуджавы, где бард, задыхаясь и забывая слова, пытался петь:

Мне нужно на кого-нибудь молиться,
Подумайте, простому муравью...

– Ой, привет! – обрадовалась она. – Как твои дела?

– Хорошо.

– Работаешь? Где? Платят неплохо?

– Неплохо.

– А я оттуда давно ушла, как гранд закончился, так и вылетела.

– Знаешь, Наташа, все хочу спросить...

– Конечно, спрашивай...

– Любимая моя, ну как, кончают в тебя наконец?

...Мне нужно на кого-нибудь молиться... Молиться? Как странно, вы не находите?

Нет, всё-таки нет определённо у меня сегодня настроения. И куда оно девалось, ну никак не пойму. На луну, что ли, сбежало? И что теперь прикажете делать? Вот что интересно: утром-то встал нормально, да и дальше – ведь ничегошеньки не случилось! Ну ровным счетом! Так, обычный серый день: на работу, с работы. Обед, ужин, лапша на ужин.

Ладно, черт с ней, с лапшой, вот читал где-то недавно, что определенные части головы отвечают за смех, а если затронуть другие – будешь плакать. Ой, как простенько получается... Вполне возможно соорудить переключатель. Как сразу бы полегчало! Повернуть ключик – и нет проблем. Пустота такая... И в пустоте, как в музыкальной шкатулке, играет музыка.

А пока, пока я не могу забыть: он сидит около вокзала, выставив автоматом в сторону потных, горячих, жующих и разговаривающих людей слабо-розовый обрубок руки и с устроенной на коленях какой-то длинной механической штукой, и холодные резиновые играющие звуки сами собой производятся из неё. Ударяются о дрожащую от пыли и жары преграду воздуха и бессильно падают. И ну, скажите, за что мне такая напасть? Все идут, а я остановился и смотрю. И ведь не для того, чтобы подать. Смиловитесь на один-два шекеля. Нет, меня поражает в нём. Нет, конечно, не обрубок. Нет. Меня поражает отсутствие надежды, водянистое спокойствие прозрачных голубых глаз.

– Чтоб вы сдохли, спешащие и жующие, все вы, чтоб вы сдохли, – говорит его тихое ласковое безумие. – А я, я всё так же буду сидеть здесь, вросший в рассыхающийся асфальт, сквозь который будет ожесточённо пробиваться молодая, редкая, зелёная трава, мгновенно убиваемая яростным солнцем, и на ближайшей остановке автобус вдруг просядет на лопнувших шинах, и не откроются утром магазины, и какая-то вывеска сорвётся в тишине, загремит жестью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.